

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

МЕЖДУ СТРОК...
ИЛИ
грамматика нереального-3

Материалы круглого стола

20 декабря 2019

Москва – 2019

УДК 811.11'42
ББК 81.2Нем-5
М43

*Круглый стол проводится в рамках работы над проектом
РФФИ № 18-012-00-131а «Грамматика нереального:
к анализу семантики и прагматики текста кельтской и германской
средневековой нарративной и поэтической традиции»*

Между строк ... или грамматика нереального-3: материалы круглого стола: 20 декабря 2019. – Москва: МАКС Пресс, 2019. – 80 с.
ISBN 978-5-317-06281-1

Конференция посвящена проблемам грамматического выражения нереальных или предполагаемых событий. Особое внимание уделено грамматическим показателям, маркирующим нереальность или предполагаемость сообщения, а также – субъекта действия. Исследования в основном базируются на материале средневековой германской и кельтской традиции, рукописным источникам (маргиналии), однако отчасти привлекается более поздний скандинавский материал.

УДК 811.11'42
ББК 81.2Нем-5

ISBN 978-5-317-06281-1

© Коллектив авторов, 2019
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Волконская М.А.</i> Пастырь и паства: к вопросу о прагматике и риторике английских гомилий конца X–XII веков	5
<i>Гвоздецкая Н.Ю.</i> Морфология нарратива видений в Древней Англии, или Где граница между нереальным и реальным?	12
<i>Живлова Н.Ю.</i> Святой Патрик и крещение сыновей Амальгайда	19
<i>Крылова Э.Б.</i> Зачем датскому императиву субъект?	22
<i>Михайлова Т.А.</i> Второе лицо: к некоторым употреблениям в ирландской монастырской лирике	26
<i>Михайлова Т.А.</i> О друидах как прорицателях, или «день когда родится великий король».....	36
<i>Сквайрс Е.Р.</i> Синтаксический эллипсис в средневековом юридическом контексте	53
<i>Старостина Е.Ю.</i> Маргинальные записи к Грамматике Присциана (cod. Sang.904).....	64
<i>Чекалина Е.М.</i> Неопределенное лицо в шведском языке: <i>тап, en, hen</i>	71
<i>Шенявская Т.Л.</i> «А был ли мальчик?»: об одной функции сослагательного наклонения в сагах	77

М.А. Волконская
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

**Пастырь и паства: к вопросу о прагматике и риторике
английских гомилий конца X–XII веков**

Несмотря на резкие потрясения в устройстве английского общества и церкви, вызванные завоеванием 1066 года, наследие позднеревнеанглийских церковных авторов и прежде всего Эльфрика не было полностью забыто последующими поколениями. В монастырях продолжали переписываться его сочинения, а проповедники XII и даже XIII веков обращались к ним в поисках подходящего для разговора с паствой материала [Franzen 1991; Collier 1997; Irvine 2000].

Как предполагают исследователи, к сочинениям Эльфрика мог обращаться и регулярный каноник Орм, автор сборника стихотворных гомилий «Ормулум», написанного в Линкольншире в середине XII века. Так, некоторые исследователи даже усматривают в этом памятнике однозначное свидетельство преемственности традиций английской гомилетики [Bennett 1986: 30]; иные же более осторожны в своих оценках: «хоть Орм, безусловно, знаком с языком древнеанглийских гомилий, он практически не использует эти ранние и очевидно известные ему тексты» [Morrison 2003: 259–260]. Помимо отдельных лексических параллелей между гомилиями Орма и Эльфрика отмечалось также определенное структурно-композиционное сходство [Morrison 1984: 54–55; Morrison 2003: 261–262; Johannesson 2007a: 109–121]: оба проповедника создают не разрозненные тексты, но последовательную программу вероучения на народном языке и предваряют свои сборники достаточно протяженными предисловиями. Сходной является и структура отдельных гомилий: начало отведено практически дословному переводу евангельского текста, после чего последовательно дается толкование на каждый стих. Но при этом гомилии Эльфрика объеди-

нены в два сборника *Catholic Homilies* сообразно литургическому году, а «Ормулум» представляет собой евангельскую гармонию. Вопрос о преемственности проповедей Орма и Эльфрика, таким образом, продолжает оставаться дискуссионным.

В этой работе мы сравним сочинения Орма и Эльфрика с иной точки зрения – не затрагивая вопроса о сходстве фразеологии и аргументации, рассмотрим то, как показаны в них отношения пастыря и паствы, как позиционируется в проповеди сам проповедник и его источники (в работах М. Свон эти аспекты называются «позиционной риторикой» [Swan 2007, 2009]). Формально будучи монологами, гомилии содержат ряд диалогических элементов, обращенных к воспринимающему сознанию адресата и ориентированных на его внутреннюю ответную реакцию. Диалогизм, указывающий на характер взаимоотношений между проповедником и прихожанами, проявлен в проповедях при помощи прямых обращений к слушателям и регулярного употребления различных форм местоимений 1-го и 2-го лица. Помимо этого, гомилиям также свойственен и внутренний диалогизм, связанный с воспроизведением чужой речи и ссылками на авторитетные источники.

Чтобы сравнить «позиционную риторику» Орма и Эльфрика, мы обратимся к текстам, посвященным толкованию одного и того же отрывка о претворении воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской (Ин. 2:1–11). Это одна из четырех сохранившихся целиком гомилий Орма – т.н. часть 18 (строки 14000–15537) [Matthes 1933: 40–47; цит. по изданию Holt 1878: 132–186], параллель к которой у Эльфрика мы находим в четвертой гомилии второго тома *Catholic Homilies* [цит. по изданию Godden 1979: 29–40]. В своем толковании первого чуда Иисуса Христа и значения шести каменных водоносов обе проповеди следуют одним и тем же латинским гомилиям Беда Достопочтенного и Гаймо Осерского, посвященным этим строкам Евангелия [Godden 2000: 371; Johannesson 2007b: 141], однако даже при обращении к авторитетным источникам подходы Орма и Эльфрика различаются.

Так, гомилия Эльфрика начинается с прямой отсылки к евангельскому рассказу: *Iohannes se godspellere cwæð...* (строка 1) «Иоанн Евангелист сказал...»; далее же Эльфрик указывает

на авторитет Беда Достопочтенного, как на основной источник своего толкования: *Se láreow beda cwæð...* (25) «Учитель Беда сказал...»; ср. также далее: *Pises godspelles traht sprecð gyt menigfealdlicor ymbe ðas wæterfatu. and heora getacnungum... Se trahtnere cwið...* (294–297) «Толкование на это Евангелие говорит еще более подробно о водоносах и их значении... Толкователь говорит...». Внутренний диалогизм в гомилии, таким образом, эксплицитен: проповедь Эльфрика, как часть традиции, опирается на авторитетные имена.

Напротив, ссылки на источники у Орма, хоть и более частотны, но также и намного более расплывчаты. Он говорит о «Евангелии» или же «книге» и называет Иоанна Евангелиста просто «Евангелист», ср.:

1. *Swa summ þe Goddspell kibeþþ* (строки 14001, 14189) «Так говорит Евангелие», ... *summ þe Goddspell sezzþ* (14028) «... как говорит Евангелие», *Her endeþþ nu þiss Goddspell þuss* (14078) «Здесь заканчивается сейчас это Евангелие так», ... *sezzþ Goddspell* (15076) «... говорит Евангелие»;
2. *þiss boc* (14446, 14524, 14646, 14764, 14892, 14992) «эта книга», *Boc sezzþ* (15120) «Книга гласит»;
3. *þe Goddspellwrihte* (15115, 15141, 15448) «Евангелист».

Это стратегия сокрытия конкретных источников и авторитетных имен используется в «Ормулуме» повсеместно и, вероятно, направлена на усиление и универсализацию содержательной стороны гомилий. Отметим также, что в приведенных выше контекстах Орм использует глагольные формы настоящего времени, которые в данном случае имеют скорее вневременное значение.

Что касается внешнего диалогизма, связанного с характером взаимоотношений между проповедником и прихожанами, то и здесь Эльфрик и Орм не вполне совпадают. Эльфрик в своей гомилии предпочитает использовать различные формы местоимений 1 л. мн. ч. (*we*, *us*, *ure* – всего 45 контекстов), большая часть из которых может быть интерпретирована как «мы» в инклюзивной функции. В таких случаях «мы» относится к группе, включающей как проповедника, так и его аудиторию, и направлено на интимизацию проповеди – на установление контакта с паствой, ведение диалога, привлечение ее к совместному

рассуждению и, таким образом, сокращение дистанции, уподобление проповедника своей аудитории, поскольку обе стороны равным образом нуждаются в правильном понимании текста Библии:

*Gif we ðus understandað þa ealdan gereccednysse. þonne bið þæt wæter **ús** awend to wínicum swæcce. for ðan ðe **we** tocnáwað **urne** cyning crist. and his rice, and **ure** rice ðær awritene. þær **we** ær swilce be oðrum mannum gereccednysse ræddon* (205–209) «Если мы так поймем Ветхий Завет, то вода для нас приобретет вкус вина, поскольку мы познаем нашего Владыку Христа, и его Царство, и наше Царство там описанное, где мы ранее читали повествование как будто бы о других людях».

В некоторых случаях значение инклюзивного «мы» может также иметь своим референтом всех праведных христиан.

В семи контекстах Эльфрик использует формы 1 л. мн. ч. во вторичной референтной функции – вместо 1 л. ед. ч., подобно современному использованию «авторского *мы*» в научном стиле. Хотя проповедник, как обладающий знанием, в подобных контекстах и стоит выше своей аудитории, но все же использование форм 1 л. мн. ч. придает проповеди не категоричное или покровительственное звучание, но скорее сочувственное. Интересно, что в четырех из этих семи контекстов позиция проповедника, как более опытного учителя, дополнительно подчеркивается противопоставлением его аудитории при помощи местоимений 2 л. мн. ч. (*eow, ge*): *ac **we** ondrædað **us** þæt **ge** ðas foresædan getácnunga to gýmeleaste doð. gif **we** **eow** swiðor be ðam gereccað* (295–297) «но мы [проповедник] боимся, что вы [аудитория] с невниманием отнесетесь к уже упомянутым толкованиям, если мы [проповедник] продолжим вам [аудитории] о них рассказывать». Последний контекст, в котором Эльфрик использует местоимение 2 л. мн. ч., – это наставление: ***Ge** sceolon eac gelyfan...* (173) «Вам следует также поверить...», но и здесь назидательная интонация, активное вовлечение паствы в восприятие практически сразу смягчаются за счет употребления инклюзивного «мы» далее в этом же предложении. Наконец, форма 1 л. ед. ч. встречается в гомилии Эльфрика лишь однажды, в начале толкования духовного значения водоносов:

Mine gebroðra uton sceawian nu hu ðas six wæterfatu wæron afyllede mid halwendum wætere. bôclīcra gewrita (92–93) «Братья мои, давайте же рассмотрим сейчас, как шесть водоносов были наполнены целебной водой книжных текстов».

В данном контексте противопоставление между проповедником и его аудиторией также снимается благодаря использованию форм *gebroðra* с социативным префиксом *ge-* и *uton*, выражающей общее для всех участников ситуации побуждение.

Как и Эльфрик, Орм достаточно часто прибегает к инклюзивному «мы» (*we, uss, ure* – 67 контекстов), однако формы 1 л. мн. ч. вместо «я» им не используются. Он также обращается к своей аудитории *lefe breþre* (14312) «дорогие братья», но это единение проповедника и прихожан – лишь видимость. Характер их отношений у Орма ассиметричен и явно иерархичен: проповедник – авторитет, духовный наставник и проводник слова Божьего, который поучает неразумную аудиторию. В 16 контекстах Орм использует местоимения 2 л. мн. ч. (*ge, zuw, zure*), в 12 – местоимения 1 л. ед. ч. (*I/icc*), но ярче всего его дидактизм проявляется в употреблении форм 2 л. ед. ч. (*þu, þe, þin* – 102 контекста), которые преобладают в данной гомилии, но при этом полностью отсутствуют у Эльфрика: *Forr ziff þu Cana Galile / Till Ennglissh spæche turrnesst...* (14204 – 14205) «Ибо если ты “Кана Галилейская” / на английский язык переведешь...». Подобное «тыканье», выделение одного адресата из толпы прихожан, вероятно, должно было активизировать внимание каждого слушателя и вовлекать в активное восприятие слов проповедника. Противопоставление пастыря и паствы в гомилии Орма также зачастую поддерживается при помощи повторяющихся клише, ср.:

- *witt tu wel* (15 контекстов) «хорошо это запомни»;
- *& her I se summ del off þatt / Stafflike witezunne, / & icc itt wile shæwenn zuw / All forr ure allre nede* (6 контекстов) «И здесь я вижу некоторую часть того / буквального пророчества, / и я покажу его вам – / все ради нашей общей нужды».

Таким образом, если для Эльфрика важно прежде всего подчеркнуть единение проповедника и его аудитории, показать симметричность их позиций, выразить общность, солидарность

и сочувственность, для Орма на первое место выходят иерархические различия между простыми прихожанами и начитанным пастырем, авторитет которого получает явное выражение в дидактизме гомилии. Столь сильное расхождение в интерпретации отношений между проповедником и его аудиторией ставит под вопрос следование Орма если не букве, то точно – духу и интенции гомилий Эльфрика.

Издания памятников и литература

- Bennett J.A.W. Middle English Literature / Ed. by D. Gray. Clarendon Press, 1986.
- Collier W.E. A Thirteenth-Century User of Anglo-Saxon Manuscripts // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1997. Vol. 79, № 3. P. 149–165.
- Franzen C. The Tremulous Hand of Worcester: A Study of Old English in the Thirteenth Century. Oxford University Press, 1991.
- Godden M. Ælfric's Catholic Homilies: Introduction, Commentary and Glossary. Oxford University Press, 2000.
- Godden M. (ed.) Ælfric's Catholic Homilies: The Second Series Text. Oxford University Press, 1979.
- Holt R. (ed.) The *Ormulum* with the Notes and Glossary of Dr. R.M. White. Oxford: Clarendon Press, 1878.
- Irvine S. The Compilation and Use of Manuscripts Containing Old English in the Twelfth Century // Rewriting Old English in the Twelfth Century / Ed. by M. Swan, E.M. Treharne. Cambridge University Press, 2000. P. 41–61.
- Johannesson N.-L. *Icc hæfe don swa summ þu badd*: An Anatomy of the Preface to the *Ormulum* // SELIM: Journal of the Spanish Society for Mediaeval English Language and Literature. 2007a. Vol. 14. P. 107–140.
- Johannesson N.-L. On Orm's Relationship to his Latin Sources // Studies in Middle English Forms and Meanings / Ed. G. Mazzon. Peter Lang, 2007b. P. 133–143.
- Matthes H.C. Die Einheitlichkeit des *Ormulum*: Studien zur Textkritik, zu den Quellen und zur sprachlichen Form von Ormins Evangelienbuch. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1933.
- Morrison S. Orm's English Sources // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1984. Vol. 221, № 1. S. 54–64.

- Morrison S.* Vernacular Literary Activity in Twelfth-Century England: Redressing the Balance // *Culture Politique des Plantagenêt (1154–1224)* / Ed. by M. Aurell. Poitiers: Centre d'Etudes Supérieures de Civilisation Médiévale, 2003. P. 253–267.
- Swan M.* Constructing Preacher and Audience in Old English Homilies // *Constructing the Medieval Sermon* / Ed. by R. Andersson. Brepols, 2007. P. 177–188.
- Swan M.* Identity and Ideology in Ælfric's Prefaces // *A Companion to Ælfric* / Ed. by H. Magennis, M. Swan. Brill, 2009. P. 247–269

Н.Ю. Гвоздецкая
РГГУ

**Морфология нарратива видений в Древней Англии, или
Где граница между нереальным и реальным?**

Видения относятся к тому типу литературных текстов, которые содержат сведения о потустороннем мире и его обитателях, иначе говоря, включают описание образов скрытой реальности. Смысл посылаемых свыше видений состоит, как правило, в предупреждении о грядущем наказании или обещании будущих благ, а также в повелениях, относящихся к конкретным ситуациям (например, об основании монастыря). Будучи первоначально отражением непосредственного религиозного опыта, в последующей литературной традиции видения постепенно вбирают в себя неосознанный вымысел или могут даже представлять целенаправленные фальсификации. Визионерские тексты часто встречаются в агиографических сочинениях, отражая связь святого с потусторонним миром [Динцельбахер 2003: 66–67].

Состояние, в котором пребывает визионер, иногда объясняют физиологическими причинами, само же видение трактуют как нечто иллюзорное. Ср. «В основе видения лежит определенное психосоматическое состояние, порождающее у находящего в нем индивида иллюзию того, что его душа (или тело и душа) покидает мир своего естественного существования и перемещается в иное пространство. При этом визионер находится в состоянии каталепсии, транса или сна» [Динцельбахер 2003: 67]. С точки зрения филологического подхода к видениям подобный взгляд вызывает возражения двоякого рода. Во-первых, филолог совершенно не должен интересоваться источником подобных состояний – это дело психофизиолога или богослова. Во-вторых, приведенное утверждение может быть отнесено лишь к одной разновидности видений, а именно видений «загробных», которые касаются посмертного пребывания человека в потусторон-

нем мире. В других случаях визионер вовсе никуда не перемещается, а пребывает в своем естественном пространстве, причем часто вне экстатических переживаний. А посланцы Иного мира сами приходят к нему.

Одним из первых писателей Древней Англии, кто широко использовал видения в своем нарративе, был «отец английской истории» Беда Досточтимый. В его «Церковной истории народа англов» (731 г.) можно выделить более двадцати эпизодов, в той или иной форме фиксирующих контакт человека с Иным миром – во сне или наяву. В двух случаях они представлены развернутыми рассказами о временном перемещении души в загробный мир (Фурсея и Дриктельма), которые опираются, по-видимому, на предшествующую позднеантичную литературную традицию. Остальные случаи сводятся к довольно кратким сообщениям, отражающим, возможно, непосредственный духовный опыт англосаксов, сохранявшийся в устном предании и ставший одним из житийных топосов. В связи с чем возникает вопрос о том, каковы границы видения как типа нарратива и всякое ли упоминание о контакте с Иным миром можно отнести к «визионерскому тексту».

Очевидно, что для признания видения как религиозного опыта достаточны две фигуры, выполняющие функции Визионера и Существа Иного Мира (далее СИМ), являющегося ему или забирающего его к себе (Посланец/Медиатор). В формировании видения как нарратива (визионерского текста) может участвовать еще и Свидетель, способный подтвердить истинность сообщаемого, который нередко также играет роль Визионера, а также Нарратор и Адресат, благодаря которым рассказ о видении становится всеобщим достоянием. Функцию Нарратора часто выполняет сам Визионер, а наличие Адресата может лишь подразумеваться, тем не менее, именно данные роли знаменуют собой превращение индивидуального опыта в известный всем нарратив, а далее – в литературный жанр. Наряду с этими ролями, чрезвычайно важным для именованного рассказа «видением» следует признать описание чувственных ощущений сверхчувственного (зрительных, акустических, тактильных, обонятельных), к каковым должна быть причислена также вербальная коммуникация.

Изучение «морфологии» видения на материале его «малых форм» (в отличие от развернутых повествований) позволяет понять, как зарождается этот жанр внутри более крупных жанров (например, исторической хроники Беды или жития), а также оценить характер соотношения реального и нереального в средневековом сознании. Покажем это на примерах из «Церковной истории народа англов» и древнеанглийской агиографии.

В роли Визионера в труде Беды выступают мужчины и женщины, взрослые и дети, клирики и миряне разного статуса, хотя чаще это монахи и монахини. В роли Посланца представлены архангел Михаил, апостолы Петр и Павел, ангелы и демоны, и даже Пресвятая Троица в виде «трех мужей в сияющих одеяниях» (4-11)¹, но также умершие праведники (иногда не названные по имени). Однако СИМ может выступать в разных ипостасях, что создает проблему в трактовке рассказа как видения; другую проблему составляет характер восприятия визионером Иного мира.

Существо Иного мира может оказаться не Посланцем, беседующим с визионером, а просто объектом его наблюдения, причем не обязательно лицом. Так, у Беды некий монах-грешник сообщает о том, что «видел разверстый ад и Сатану в бездне Тартара, рядом с Каиафой и прочими убийцами Господа, в окружении языков пламени» (5-14). Мать аббатисы Хильды во сне разглядывает «прекраснейшее ожерелье», что служит предзнаменованием рождения ее славной дочери (4-23). Монахиня Тортгита зрит наяву, как «нечто похожее на человеческое тело, облеченное в саван и светящееся подобно солнцу, поднялось вверх от дома» – предвестие смерти и посмертной славы аббатисы Эдильбурги (4-9). Эдильбурга с сестрами видят «дивный свет», который двинулся к южной стороне монастыря, указывая место, где должны покоиться их тела в ожидании дня Воскресения (4-7). В последнем случае видение уже неотличимо от знания.

Принадлежность Посланца Иному миру может быть завуалирована в рассказе: Кэдмону во сне является «некто» (4-24);

¹ Здесь и далее текст Беды цит. по [Беда 2001] с указанием номера книги и главы.

ангелы в видении монахини-принцессы Эрконготы названы «процессия людей в белом» (3-8); епископ Хад обозначает Посланца «возлюбленный гость» (4-3). Тем не менее, контекст недвусмысленно указывает на сверхъестественный характер происходящего: Кэдмон чудесным образом обретает дар стихотворчества; за ночным явлением «людей в белом», сопровождаемым «ангельским пением», следует смерть Эрконготы; «гость» епископа оказывается его умершим братом, который забирает душу Хада на небо.

Беседа живого с явившимся ему умершим (4-9, 5-9, 5-10) – явный знак контакта с Иным миром и потому нередко встречается в видениях как чудо, преодолевающее законы природы. Однако в роли чудесного помощника может выступать живой человек, и тогда сверхъестественность происходящего воспринимается наблюдателями далеко не сразу. Так, в древнеанглийском житии св. Николая Мирликийского тонущие в бурю мореплаватели, никогда прежде не видевшие святого, воззвали к нему с молитвой, и тот явился им физически в образе незнакомого человека, который помог с корабельной оснасткой, «как будто бы был одним из них» [Гвоздецкая 2017: 135]. Лишь по прибытии в город Миры мореплаватели узнают, кем на самом деле был их помощник. Этот эпизод можно отнести к «визионерскому тексту» лишь с натяжкой, поскольку «визионеры» не воспринимают чудесной природы Посланца Иного мира, которым становится здесь святитель в силу своей способности преодолевать пространство и время. В «визионерском тексте», как правило, сразу обнаруживается принадлежность являющегося Иному миру.

Тем не менее, сообщение о явлении умершего живому вряд ли подпадает под разряд «визионерского текста» в том случае, если в нем отсутствуют такие признаки, как описание чувственного восприятия того, что считается сверхчувственным. В «Церковной истории» сообщается, что одной монахине явился некий безымянный умерший и «сказал, что с восходом солнца она отойдет к вечному свету» (4-8). Здесь присутствует видение как духовный опыт, но нет «визионерского текста», который бы рассказывал, кто именно и каким образом явился визионеру. Такие примеры встречаются и при упоминании общения святого

с Богом. Древнеанглийское житие св. Эгидия трижды отмечает подобное общение, но во всех трех случаях речь идет о передаче информации, в отношении которой не уточняется, как именно воспринималась она чувствами: святой извещает короля о надлежащем месте строительства монастыря, которое «открыл» ему Господь; во время тайных молитв в алтаре «явился ему ангел Божий и положил на престол послание»; Господь «известил его через Святого Духа, что скоро ему предстоит окончить земную жизнь» [Гвоздецкая 2018: 119–122]. Религиозный опыт отражается здесь как сообщение некоей информации, но не как нарратив, помогающий читателю приобщиться к этому опыту.

Совершенно иную картину находим в других, более многочисленных случаях, где в деталях описываются ощущения визионера или его беседа с Посланцем. К чувственным ощущениям относится сопровождающий видение необычный свет/сияние, неожиданный звон колокола/шум/пение, благоухание/зловоние и даже тактильные знаки (синяки Лаврентия, побитого апостолом Петром за непослушание; боль от демонских кинжалов, которую испытал грешник-воин), а также упоминание отдельных материальных примет увиденного (внешний вид апостолов, по которому можно отличить Петра от Павла; красивые/безобразные буквы в книгах, которые предъявляют умирающему ангелы и бесы). Описаний чувственного ощущения сверхчувственного следует отнести к одному из наиболее характерных признаков видения как литературного текста, поскольку само появление подобного текста, как правило, проистекает из желания визионера убедить аудиторию в реальности своего опыта как разновидности чуда.

Когда в быту мы говорим о «видении», то обычно предполагается, что человеку что-то «показалось», а не было воспринято им физически на самом деле. Таким образом, данное слово семантически соотносимо с такими метафорами, как «увидеть духовными очами, или мысленным взором», а структурно-семантически – не только с глаголами «видеть» и «увидеть», но и «привидеться», откуда и происходит слово «привидение» как обозначение объекта, реально (материально) не существующего. Вместе с тем, подобное утверждение справедливо лишь для обыденного дискурса, а не религиозного, где грань между ре-

альным и нереальным оказывается весьма тонкой и относительной, поскольку для описания видений религиозного плана важно то, что некая информация все же непременно воспринимается органами чувств.

Вместе с тем, визионерский текст несет в себе пресуппозицию, принимаемую как визионером, так и его аудиторией: пресуппозицию жесткой грани, разделяющей естественное и сверхъестественное. Как известно, такая грань стала в эпоху христианизации значительно более заметной и четкой, чем была в языческие времена: античные боги пребывают в том же одушевленном космосе, что и люди; Мидгард германской мифологии (мир людей) существует почти в той же плоскости, что Утгард (мир чудовищ) и Асгард (мир богов-асов). Поэтому, например, встречу Хедина с женщиной-фюльгьей (его двойником-«привидением»), явившейся герою в лесу на волке и с удилами-змеями в руках (Старшая Эдда, «Песнь о Хельги Убийце Хундинга»), невозможно трактовать как видение. Столь же реальными выглядят в сагах бог Один в образе одноглазого старика в плаще и шляпе, а также проделки вставших из могил мертвецов на хуторе. Валькирии, предсказавшие (или спровоцировавшие) битву при Клонтарфе, ткали свою кровавую ткань во вполне земном пространстве («Сага о Ньяле», глава 157).

Таким образом, не всякая встреча с потусторонним миром может считаться видением. В житиях бесы также могут путем метаморфоз являться в несвойственном им облике вполне реальным путем. В житии св. Николая диавол «переоделся старицей», то есть скрыл свою сверхъестественную сущность, дабы убедить паломников отвезти св. Николаю заколдованное елейное масло. И когда от этого масла загорелось море, рассказчику приходится специально подчеркивать сверхъестественный характер события, дабы читатель не принял старуху за обыкновенную колдунью: «И это воистину было сверх всякого природного естества» [Гвоздецкая 2017: 138–139]. Столь же реальной выглядит в том же житии встреча мореплавателей с неожиданно появившимся кораблем, на котором среди других благочестивых на вид людей оказывается св. Николай, давший совет выбросить масло в море. Нереальность этой встречи выясняется позже, по прибытии мореплавателей к святителю. В самом эпи-

зоде с загоревшимся морем повстречавшийся путешественникам корабль просто отдаляется от их корабля, исчезая из виду.

Визионерский же текст балансирует на грани между нереальным и реальным, будучи наваждением или вымыслом в профанном (обыденном) восприятии и подтверждением реальности Иного мира в восприятии сакральном. Причем речь идет именно о признании реальности сверхъестественного, а не об объяснении чуда «реальными» (естественными причинами).

Итак, можно прийти к заключению, что свойственное христианству напряженное противостояние «естественного» и «сверхъестественного» («реального» и «нереального» в обыденном понимании) отчасти снимается в визионерских текстах за счет акцента на чувственном (и значит, вполне «реальном») характере контакта визионера с Иным миром, при сохранении, однако, границ между ними. Изучение «морфологии» визионерских текстов позволяет предположить, что их развитие, как и становление видения как средневекового литературного жанра можно связать с попыткой преодолеть грань между Этим и Иным миром, дав возможность верующему через чтение приобщиться к более глубокому религиозному опыту.

Литература

- Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. В. Эрлихмана. СПб., 2001.
- Гвоздецкая Н.Ю.* Преподобный Эгидий – уроженец Афин и святой Франции // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. 2018. Т. III. Вып. 56. С. 109–124.
- Гвоздецкая Н.Ю.* Древнеанглийское житие святителя Николая // Сретенский сборник: Научные труды преподавателей Сретенской Духовной Семинарии. Вып. 7–8. М., 2017. С. 127–148.
- Динцельбахер П.* Видения // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 66–73.

Н.Ю. Живлова
МГУ имени М.В.Ломоносова

Святой Патрик и крещение сыновей Амальгайда

Агиографический сюжет о крещении святым Патриком сыновей короля Коннахта Амальгайда (ум. 449) встречается в нескольких житиях. Одна из особенностей этого сюжета в том, что как минимум два текста, где он фигурирует, были написаны представителями рода Амальгайда. В важности темы для самих агиографов сомневаться не приходится: история о сыновьях Амальгайда призвана объяснить причину возвращения Патрика в Ирландию и его желание крестить ирландцев.

Сам Патрик говорит, что услышал «голос ирландцев» (*Vox Hiberionacum*), который призывал его – «Просим тебя, святой юноша (*sancte puer*), чтобы ты вернулся и ходил среди нас». При этом Патрик называет по имени единственный топоним в Ирландии: *Silva Vocluti*, который в средневековой ирландской традиции отождествлялся с *Caille Fochlaid* 'Лес Фохлада'. Он, как считалось в средневековье, был расположен в «земле Амальгайда» (*Tir Amalgado*, позднее – *Tirawley*) – территория в северном Коннахте.

Согласно древнеирландским генеалогиям, Амальгайд был сыном Фиахры, брата Ниалла Девяти заложников, основателя королевского рода Уи Нейллов. Брат Амальгайда, Нат И, считался королём Ирландии, как и сын Нат И – Айлиль Молт; некоторые источники называют королём Ирландии и самого Амальгайда. Несмотря на это, генеалогия Амальгайда вообще не отражена в древнейших генеалогических коллекциях (*Rawl. B 502*, «Лейнстерская книга» и других). В возникших примерно в X в. генеалогиях святых упоминается только об одном потомке Амальгайда – святой Дайре (Содельб)¹. Генеалогия Амальгайда

¹ Потомком Амальгайда, сына Фиахры, также иногда ошибочно именовался святой Тигернан, происходивший из другого рода.

подробно разработана только в поздних генеалогиях – в частности, в «Большой книге генеалогий» Дубалтаха Мак Фир Бисиха, который сам считал себя потомком одной из ветвей рода Амальгайда.

Потомком Амальгайда называл себя и агиограф VII в. Тирехан. В своём агиографическом тексте о Патрике Тирехан описал встречу Патрика в Таре с сыном Амальгайда Эндой: услышав от него знакомое название «Лес Фохлада», Патрик обрадовался и решил туда отправиться. Энда попросил крестить своего маленького сына Коналла, отказавшись креститься сам. Прибыв в Коннахт, Патрик постриг в монахини двух не названных по имени девушек и крестил умирающую беременную женщину. Как говорит автор жития, Патрик прибыл в Коннахт ради «детей» или «сыновей» (*filiorum*), которые звали его из чрева матери.

В так называемом «Трёхчастном житии» общение Патрика с сыновьями Амальгайда описано исключительно подробно. Если даже не принимать точку зрения И. Мак-Нейллы, по которой первоначальный вариант этого жития представлял собой авторскую переработку труда Тирехана, вполне допустимо предположение, что автор по крайней мере этой части текста также относился к роду Амальгайда или происходил из той же местности. «Трёхчастное житие» перечисляет двенадцать сыновей Амальгайда, негативно характеризует его сына Энгуса и описывает встречу Патрика с юным Коналлом, сыном Энды. Энда напоминает Патрику, что «голос ирландцев», который он слышал в видении, был голосом «двух девушек из нашей области в чреве их матери». Энгус, сын Амальгайда, обещает поверить Патрику, если тот воскресит его давно умершую сестру Федельм. Патрик крестит двух девушек – Кребриу и Лесру – чьи голоса доносились до него в видении, воскрешает умершую беременной Федельм и её нерождённого ребёнка, и крестит другую беременную женщину.

Ещё одну версию легенды о призыве Патрика излагают глоссы к так называемому «Гимну Фиакка». В самом гимне говорится, что Патрика призвали «мальчики» (*macraide*) Леса Фохлад. Согласно глоссам, Патрик откликнулся на призыв Кребриу и Лесру, дочерей Глеранна: этот призыв якобы был

слышен папе Целестину в Риме. Сходную версию легенды пересказывает и Мак Фирбис в своих «Генеалогиях».

По нашему мнению, возникновение легенды о призвании Патрика детьми могло быть результатом неправильного понимания ирландскими авторами текста «Исповеди» Патрика – *rogamus te, sancte puer, ut venias* ‘мы просим тебя, святой мальчик, чтобы ты пришёл’. В «Трёхчастном житии» эта фраза передаётся, как *Hibernenses omnes clamant ad te pueri* ‘все мальчики Ирландии взывают к тебе’. Идея о том, что призвавшими Патрика были именно две *девушки / девочки*, могла также быть вызвана неправильной интерпретацией позднейшими авторами текста Тирехана: *uoces audivit in utero matrum suarum* ‘услышал голоса (детей) в чреве матерей своих’: ирландский книжник мог понять местоимение *suarum* не как относящееся к слову *matrum*, а как указывающее на действующее лицо женского пола, то есть «он услышал голоса во чреве матерей их (= девушек)».

Несмотря на то, что «Трёхчастное житие» называет Кребриу и Лесру святыми, основательницами Келл Форгланн в Коннахте, никаких других данных об этих святых нет, и в ирландских календарях они отсутствуют. Можно отметить некоторое сходство между этими именами и именами святых сестёр Краэб, Лассар и Финд, дочерей Мак Иара, почитавшихся в Лейнстере. Неясно, были ли эти имена заимствованы (если это заимствование) вместе с легендой о призвании Патрика.

Согласно нашей гипотезе, эпизод с Кребриу и Лесру является своеобразным ответом на изложенный Тиреханом сюжет с двумя дочерьми Лозгайре – Этне и Федельм, - которые, получив крещение от Патрика, тут же скончались и отправились в рай. Автор «Трёхчастного жития» придаёт истории Патрика жизнеутверждающий оттенок. Если у Тирехана беременная женщина и ребёнок в её чреве, получив крещение, тут же умерли, то здесь Патрик возвращает к жизни давно почившую Федельм. Кребриу и Лесру, призвавшие Патрика, получают крещение и становятся основательницами (*érlama*) церкви на территории Тир Амальгадо. Приход Патрика, тесно связанный, в представлении авторов жития, с сыновьями Амальгайда и их территорией, становится для ирландцев не только духовным, но и физическим спасением.

Э.Б. Крылова
МГУ им. М.В. Ломоносова

Зачем датскому императиву субъект?¹

1. Ряд исследований, проведенных на материале русского языка, посвящен анализу значений, вносимых в высказывания личными местоимениями, присутствие которых в данных контекстах не является обязательным. Так, в статье «Когда Я нужно» исследователи Ж. Брейяр и И. Фужерон обращают внимание на необходимость употребления в русском языке личного местоимения 1 лица *Я* в предложениях с противопоставлением, т.е. в функции контраста: *Я-а-не-кто-Другой*, подчеркивая, что «местоимение *Я* маркирует семантику не-присоединения к точке зрения Другого» [2001: 56].

Т.М. Николаева, продолжая анализ русских высказываний с *Я* и без *Я*, убедительно доказывает, что «содержательной категорией, определяющей употребление личного местоимения, является согласие/несогласие с горизонтом ожидания Другого» [2002: 30-31].

2. Для нашего исследования представляют интерес случаи возможного использования в датском языке местоимений 2 лица *du ты*, *I вы*, *De Вы* в контексте императивных конструкций, для которых обычно характерно отсутствие субъекта императивного действия, выраженного данными местоимениями. Появление такого субъекта в императивных речевых актах не может не сказаться на их контекстно-семантических отношениях. Необходимо подчеркнуть, что употребление субъекта императивного действия характерно, прежде всего, для императивных конструкций с модальными частицами, которые, в зависимости от своих функционально-семантических особенностей, преобразуют ре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146

чевой акт приказа, выражаемый формой чистого инфинитива, в различные побудительные речевые акты: разрешения, совета, рекомендации, инструкции и т.п. [Крылова 2009, Никуличева 2012]. Примеры употребления личного местоимения 2 лица мы находим в императивных контекстах с частицей *bare*:

(1.)	<u>Imp. + bare:</u>	–	<u>Imp. + du + bare:</u>
	Tag <u>bare</u> hjem!	–	Tag du <u>bare</u> hjem!
	<i>Иди домой!</i>	–	<i>Ты иди домой!</i>

3. Безударная частица *bare* в постпозиции к императиву формирует речевой акт разрешения, так как инвариантным значением частицы является умозаключение говорящего о том, что каузируемое императивом действие слушающего является самым простым и минимально достаточным для получения им бенефактивного результата [Крылова 2009: 37]:

- (2.) **Spis bare** et stykke kage til!
(Хочешь), съешь еще кусочек торта!

Датский исследователь Т. Кристенсен в своих исследованиях приходит к выводу, что присутствие местоимения второго лица *du* в контексте императива возможно, когда каузируемое действие оценивается говорящим как желаемое слушающим. Это может быть характерно для ситуаций, когда со стороны адресата отсутствует эксплицитное проявление такого желания, но говорящий догадывается о нем и в некоторой степени предвосхищает события, устраняя с пути партнера своего рода препятствия [Christensen 2007: 88-89]. Речь здесь может идти только об императивных конструкциях с безударной частицей *bare* в постпозиции к императиву, формирующей с формой императива речевой акт разрешения:

- (3.) Og min angst forsvandt. Det var, ligesom hun sagde: "**Kom du bare**, min pige, gå blot videre. Jeg skal nok hjælpe dig". - *И мой страх исчез, будто она сказала: «Ты заходи, моя девочка, проходи дальше. Я помогу тебе».*

Однако, как показывают примеры, желание слушающего осуществить каузируемое императивом действие не всегда является обязательным условием присутствия личных местоимений второго лица *du* *ты* или *I* *вы* в предложении. Речевой акт разрешения может предполагать как желание слушающего совершить императивное действие, так и необходимость такого действия для него, выполнение которого

осложнено некоторыми обстоятельствами. Это подтверждает следующий пример:

- (4.) – Jeg ville gerne være blevet, men jeg tror ikke, jeg kan være væk hjemmefra længere. <...> Nej, det troede Maria heller ikke. – **Tag du bare** hjem, sagde hun. – Jeg skal nok blive her.
– *Я бы очень хотела остаться, но думаю, мне пора домой.*
<...> *Да, – согласилась Мария. Ты иди домой, – сказала она. Я побуду здесь.*

Само сочетание императивной конструкции Imp. + bare с личным местоимением, выражающим субъект императивного действия, не несет, на наш взгляд, признаков выражения такого желания, если оно не специфицируется в ближайшем контексте. На это указывают и исследования Т. Н. Андерсена и А. Хольстинг [Andersen, Holsting, 2013: 9-31].

Важным здесь представляется именно то, что речевой акт разрешения реализуется в ситуации, препятствующей выполнению адресатом желаемого им или необходимого действия. Разрешая совершить его, говорящий, считает это действие важным или желательным для адресата и чаще всего принимает на себя обязательства по устранению возникших препятствий, в чем, как правило, и заверяет партнера. Высказывание Jeg / vi skal nok ... реализует такой речевой акт обещания в следующем примере:

- (5.) – Jamen jeg har altså en aftale, ska' ind på politistationen og ønske gutterne en god jul! – Vi skal nok nå det, siger mor beroligende.
Smut du bare Brian og hils inde på stationen.
– *Да, но я договорился, мне нужно в участок, поздравить ребят с Рождеством.*
– *Мы справимся, – успокоила мама. Ты беги, Бриан, и передавай привет там на станции.*

Значение обязательства говорящего по устранению препятствий для совершения слушающим императивного действия может быть выражено и имплицитно в речевых актах разрешения, но употребление местоимения 2 лица в качестве субъекта данного действия будет все равно сигнализировать о таком обязательстве:

- (6.) **Smut du bare.** Tak for hjælpen, Marcus!
Ты иди. Спасибо за помощь, Маркус!

Литература:

- Брейяр Ж., Фужерон И.* Когда Я нужно? // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 60. 2001. № 4. С. 53-57.
- Крылова Э. Б.* Роль модальных частиц в формировании семантики императивов в датском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. №2. С. 34-50.
- Николаева Т.М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // *Вопросы языкознания*. 2002. № 4. С. 25-41.
- Никуличева Д. Б.* Динамика императива в современном датском языке: усиление аналитических тенденций // Динамические процессы в германских языках. Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. / Отв. редактор Д.Б. Никуличева. – М.-Калуга. Издательство «Эйдос», 2012. С. 61-73.
- Andersen T. H., Holsting A.* "Tag du bare til EM, Eriksen, om det eksplicitte subjekt i den danske imperativsætning // RASK № 38. 2013, s. 9-31.
- Christensen T. K.* Hyperparadigmer – en undersøgelse af paradigmatiske samspil i danske modussystemer. Institut for kultur og identitet. Roskilde universitetscenter. 2007.

Т.А. Михайлова
МГУ имени М.В. Ломоносова

**Второе лицо:
к некоторым употреблениям
в ирландской монастырской лирике**

Отправной точкой для моего небольшого исследования послужила довольно резкая, хотя и растянувшаяся более, чем на четверть века (с 1979 до 2005 гг.), дискуссия, возникшая вокруг довольно известного стихотворения – *Dom-fharcai fidbaide fál* – ‘Меня окружает деревьев стена’ (издание с английским прозаическим переводом – см. [Murphy 1956: 4], см. также классическое издание [Stokes and Strachan 1903: 290]). Стихотворение датируется IX в. и сохранилось только в одной рукописи: так наз. Codex Sangallensis 904, на нижних полях листов 203-204. Рукопись, предположительно, была написана в Лейнстере и затем перевезена в Санкт-Галлен. Она содержит текст латинской Грамматики Присциана и снабжена обильными латинскими и ирландскими глоссами, в основном комментирующими текст. Однако кроме этого, в ней содержится три образца маргинальной лирики, первый из которых и послужил объектом дискуссии, в основном касающейся специфики употребления в нем местоимения 1 sg. Традиционно трактуемое как типичный образец эгоцентрической монастырской лирики (см. [Ó Corráin 1989; Melia 1990]), оно рассматривалось американским исследователем П. Фордом [Ford 1999] как иллюстрация употребления разных форм инфигированных местоимений 1 sg., непосредственно связанных с текстом Грамматики. В ответной статье Д. Мелиа (см. [Melia 2005]) обращает внимание на то, что в рукописи присутствуют еще два поэтических текста. Один из них также очень известен. Это строфа *Is acher in gaíth in-nocht* – ‘Резок ветер сегодня ночью’, написанная, несомненно под знаком страха перед нападениями с моря кораблей викингов (лист 112). Другое, ставшее отправной точкой моего исследования, имеющего ско-

рее предварительный характер, написано на листе 229 и его интерпретация далеко не однозначна:

Gaib do chuil insin charcair	Найди себе угол в этом карцере,
ni róis chluinn na colaid	нет ни перины ни ложа,
truag isin amail bachal	печальна участь слуги посоха,
rot gimil ind shrathar dodcaid.	к тебе пришла судьба несчастья.

Как пишет Д.Мелиа, «вместо наслаждения пением птиц и опасений монаха, связанных с набегом викингов, мы видим, как монах жалуется на свою долю, вынуждающую его спать на полу» [Melia 2005: 287]. Иными словами, он не сомневается в том, что хотя в первых двух стихах употреблено 1 sg., а в третьем - 2 sg., речь все равно идет об интроспекции, характеризующей монастырскую лирику в целом¹.

Действительно, подобная трактовка «2-го лица», отождествляемого с 1-м, вполне возможна, причем как в поэтическом тексте, так и в живой речи. Как пишет, например, анализируя в основном русскую поэзию И.И.Ковтунова, в стихах Блока часто употребляется 2-е лицо вместо 1-го, причем, как ей кажется, при этом «описание душевного события предстает в совершенной форме, очищенной от эгоцентрической окраски» [Ковтунова 2005: 57]. В качестве примера приводится стихотворение «Флоренция»:

*Ты береги остаток чувства,
Храни хоть творческуюложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.*

Но действительно ли о самом себе говорит здесь, как и во многих других примерах, Александр Блок? И является ли замена

¹ В качестве перспективного направления анализа маргиналий на полях Сангалленского кодекса представляется их дальнейший палеографический анализ. Пока, в качестве предварительного вывода можно сказать, что стихотворение о викингах (лист 112) написано отчетливым каллиграфическим почерком и явно не тем писцом, который воспроизвел стихи на листах 203-04 (о песни дрозда) и 229 (о карцере). Идентичность рук листов 203 и 229 представляется возможной, но скорее также – сомнительной, что нуждается в более внимательном анализе.

Я на Ты реальной заменой «эгоцентрической окраски»? Приведем в качестве примера два фрагмента из Катулла:

52

Quid est, Catulle? Quid moraris emori?	Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?
Sella in curuli struma Nonius sedet,	Зобатый Нонний восседает в курии;
Per consulatum peierat Vatrinus:	Ватиний без стыда клянется консульством;
Quid est, Catulle? Quid moraris emori?	Ну что ж? Еще ты медлишь умирать, Катулл?

51. ad Lesbiam

Otium, Catulle, tibi molestum est:	Праздность, (мой) Катулл для тебя зловредна,
Otio exsultas nimiumque gestis:	Праздности ты рад, от восторга бредишь;
Otium et reges prius et beatas	Праздность в прошлом много царей и славных
Perdidit urbes.	Градов сгубила. (пер. С. Шервинского)

Если в первой строфе, действительно, речь идет о замене Я на Ты с сохранением эгоцентризма, то во втором фрагменте, совершенно очевидно, что даже автообращение не делает стихотворение биографическим. Обращение ко 2-му лицу редко преследует сформулированный В.Н. Топоровым принцип «перволичного аскетизма» (см. [Топоров 1998: 556]), но скорее «может дополнительно приобретать обобщительный смысл, так как второе лицо может быть отнесено не только к автору, но и к другим» [Ковтунова 2006: 58]. В общем, сказанное – очевидно, причем в лирике, как мы понимаем, обобщающий характер имеет и 1 лицо, на то она и лирика. Но все же – различия есть, особенно в архаическом тексте, подчиняющемся канону, но отчасти этот канон и создающем.

Д.Мелиа, хотя и не говорит об этом эксплицитно, склонен трактовать все три стихотворения Сангалленского кодекса как проявления обще-монастырского (monastic) восприятия мира.

Совсем иначе, на первый взгляд, трактуется строфа на листе 229 в работе [Ó Néill 2000]. «Эти строки (я уверен) – пишет автор – описывают взятие под стражу и заточение Иоанна Крестителя и связаны с днем его поминания 24 июня» [Ó Néill 2000: 164]. Фигура Иоанна Крестителя неожиданным образом оказывается как бы вплетенной в ирландскую же мифо-поэтическую нарративную и агиографическую традицию. Так, как принято считать, усекновение головы Иоанна было совершено ирландским друидом по имени Мог Рут, жившим примерно в сер. III в. н.э., посетившим Иерусалим и ставшим учеником Симона Мага (см. в качестве основного источника – поэму, приписываемую клирику из Британии [Scate 1910]). В «матриологе» Энгуса, в свою очередь содержится рассказ о том, что в день поминания Иоанна в Ирландию обычно прибывает дракон, который уничтожает посевы и скот в качестве мести за смерть святого. Всем этим, как полагает О'Нейлл мотивируется один из постов, который принято было держать в монастырской среде. Перепрочтение строфы в данном ракурсе проясняет, как мне кажется, скрытую в ней метафорику: ее автор одновременно как бы и жалуется на тяготы поста, и описывает пребывание в темнице Иоанна Крестителя, с которым он даже отчасти себя отождествляет.

Древнеирландская монастырская лирика действительно может быть названа эгоцентричной. Это относится и «лирике природы», в которой окружающий монаха мир воспринимается всегда его глазами (и отчасти ушами), и к текстам апотропеического характера, написанных также всегда от 1-го лица и отчасти ориентированных на псалмическую традицию, в которое 2-е лицо это, как правило, Бог. Универсальность этих текстов, то есть – возможность их многократного воспроизведения, в ходе которого текст начинает как бы «работать» вновь, подразумевает и многократную мультипликацию субъекта. Сказанное, конечно, справедливо в первую очередь для стихов заговорного типа, но не только. «Я вас любил», как и *Odi et amo* тем и вечны, что далеко выходят за рамки биографии Пушкина или Катулла.

Как можно предположить, введение 2-го лица (если это не прямые обращения) для лирики, ориентированной на псалмическую традицию, более, чем стойкую в монастырских кругах Древней Ирландии, должна отчасти повлечь за собой избегание

2 sg., что в основном и происходит². Найденные мной примеры столь редки, что каждый из них заслуживает специального анализа. В дальнейшем кажется перспективным продолжить поиск и расширить круг анализируемого материала, что, как можно надеяться, позволит дать классификацию конструкций. Но некоторые выводы можно сделать уже сейчас.

Кроме уже приведенной выше строфы, были найдены:

На полях рук. Codex Boernerianus (хранится в Мюнхене):

Téicht doróim	Хождение в Рим
Mór saido becc torbai	Велик труд, мала польза.
In ríchondaigi hífoss	Король, которого там ищешь,
Manimbera latt nífogbái.	Если не возьмешь с собой, не найдешь.
Mór báis mor baile	Велика смерть, велико безумие
Mór coll ceille mor mire	Велика утрата рассудка и ума
Olais airchenn teicht do écaib	Ибо ясен путь к смерти
Beith fo étoil maim maire.	Пусть не радуется это Сына Марии.

В издании [Stokes and Strachan 1903] дается ссылка (не совсем прозрачная) на профессора Бернара (?), который предлагал видеть в этих строках намек на рассказ, содержащийся в маргинальных глоссах в позднем Житии св. Бригиты (из «Книги Лисмора»). Там действительно рассказывается о том, как Бригита послала в Рим семерых клириков, чтобы они заучили наизусть и привезли в Килдар чин освящения храма от «Петра и Павла». Те же по дороге забыли весь текст чина, на что Бригита сказала:

Ní mór uar tarba, cid mór for saethar – Не велика от вас польза, хоть и велик ваш труд.

См. выше – несомненные текстологические совпадения!

Далее в житии рассказывается, как через год были отправлены другие семеро клириков, которые на обратном пути попали в бурю и погибли, за исключением слепого мальчика, который попал на небольшой островок и каждый день повторял там текст чина. Затем его спасли, и так и нужный текст попал в Килдар.

² Сказанное справедливо и для элегической поэзии, в которой восхваляемый умерший обычно стоит в 3-м лице.

Мне все же не кажется, что на уровне эксплицитного осмысления автор маргинального стиха действительно отсылал читателя к указанному эпизоду. Скорее, как можно предположить, слова «велик труд – мала польза» носят proverbialный характер и текстуальное совпадение с житием здесь оказывается мнимым. Интересно другое: исследователи стараются сделать стихотворение прецедентным, как бы лишая средневекового переписчика и способности, и стремления к абстрактной интроспекции. Отсылка к эпизоду из жития Бригиты не лишает строфу ее обобщающего смысла (особенно это относится к 2 и 3 строкам, да и ко второй строфе в целом), но все же как бы делает мотивированным само ее написание.

Обращает на себя внимание и синтаксис стиха, точнее – выражение акциональности при помощи глагольных имен и последовательное выпускание копулы. Таким образом, как мы видим, намеренно (?) инвариантным оказывается соотносительное с планом темпоральным, да и модальным. «Прототипический вариант модели повествования предполагает актуальную отнесенность обозначаемых ситуаций к прошлому, с точки зрения момента речи» [Бондарко 2003: 22]. Однако употребление футурума во второй полу-строфе переводит повествование в план если не планируемого, то предполагаемого будущего, а говоря проще – придает стиху в целом оттенок универсальности. Интересно также реконструировать стоящий за обращением во 2 sg. денотат: субъект ли это (Я), объект (Они – клирики Бригиты) или некое срединное Ты, которым может быть и предполагаемый адресат текста, который, например, собирается в Рим.

Обратимся к другим примерам. В рук. Brussels 5100-4:

Cid becc – med frighed – do locht,	Пусть мала – как личинка – твоя вина,
Airighe for nech do chéin:	Ты замечаешь это от всех вокруг.
cid méidither sliab do locht,	Пусть вина твоя размером с гору,
nocha n-airighe fort féin/	Никто не видит ее, кроме тебя.

В контексте приведенных выше рассуждений уже невольно начинаешь ждать от текста: 1. Прецедентности и 2. Источника, которым могла бы быть Ветхо- или Новозаветная традиция. Например – Евангельская притча о бревне и соломинке (обра-

тим внимание на то, что в своих проповедях и притчах, их иллюстрирующих, Иисус, как правило, как раз использует 2-е лицо, имеющее одновременно и обобщающий смысл, и адресацию каждому из слушающих Его).

Делать выводы об авторстве писца здесь кажется преждевременным, причем само понятие авторства, естественно, должно пониматься с учетом специфики времени и функционирования текста.

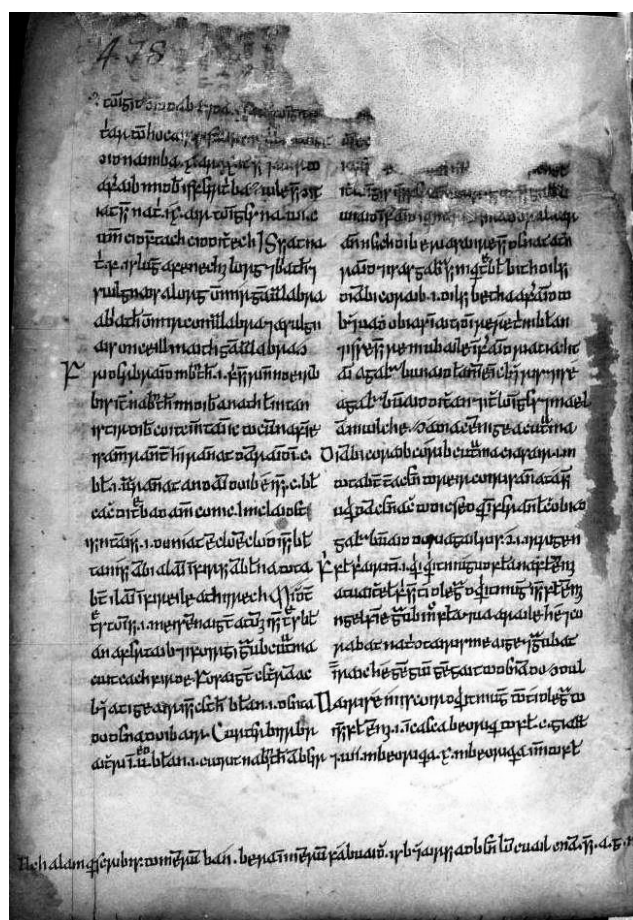
Обратимся к другому примеру.

В рук. Н.3.18, содержащей в основном правовые трактаты, бедно иллюминированной и датированной примерно XIV в. на листе 478 на нижнем поле содержится текст, несомненно, написанный (записанный? сочиненный?) тем же писцом, которому принадлежит и текст трактата в целом, и тем же четким, каллиграфическим почерком, строфа записана в одну строку

(см. рис.):

Uch a lám,	Ах. Рука,
Ar'scribis do memrum bán!	Писала ты на белом пергаменте!
Béra in memrum fá buaid	Ты дашь пергаменту славу,
Is bethair-si ad benn lom cuail	А от тебя останется лишь белая
cnám.	кость.

В данном случае 2-е лицо оказывается как бы лишь формальным, т.к. писец обращается (предположительно) к своей руке, то есть метонимически – к самому себе. Строфа имеет бесспорно интроспективно-элегический характер причем источник и прецедент, как кажется, не обязательны. Почему? Видимо, потому что семантически строфа написана от 1-го лица, за которым стоит гораздо более давняя и разработанная эгоцентрически-интроспективная традиция.

Как писал в частном письме Н.В. Брагинской В.Н. Топоров, «Сам переход от Я, исходно связанного со словом, речью о самом себе, к Я, говорящему не только с Ты (диалог), но и об этом Ты уже как об Он, как и вообще переход от перволичного описания к третьеличному, событие огромного значения» [Брагинская 2018: 25]. И, как я понимаю, речь, адресованная ко 2-му лицу здесь оказывается как бы промежуточной стадией, следующим шагом должно стать «полное отделение субъекта от объекта» [Фрейденберг 2018: 56]. Но, как мы видим, интроспекция,

включающая в себя и обобщение (ты = оно), может представлять собой не только стадию в развитии поэтики, но и как бы альтернативный путь.

В качестве предварительных выводов, а также – возможных путей дальнейшей интерпретации отмеченного феномена следует назвать (кроме очевидного: расширение материала и поиск новых примеров):

1. Последовательная негативная оценка ситуации в приведенных примерах (а также – в неприведенных). Если наслаждаться пением птиц или даже надеяться на то, что драккар разобьется о прибрежные скалы, писец готов в одиночку, для размышлений о тяготах поста или о бренности жизни в целом ему оказывается необходим собеседник, которым может быть одновременно и он сам, и воображаемый слушатель.
2. Попытки «привязать» создание поэтического текста к реальному историческому событию, то есть – создание прецедентности, не следует оставлять без внимания, учитывая сложность формирования осознанного авторства в ранний период. Причем универсальность возникающего при этом послания не противоречит конкретике его условной «привязки». Но не приписываем ли мы смысл и функции роденовского «Мыслителя» неолитическим фигуркам, отличающимся, на наш взгляд, не меньшей выразительностью?

Литература:

- Бондарко А.В.* Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. // СПб., 2003, сс. 5-37.
- Брагинская Н.В.* Показ, каталог, сравнение, экфразис: О.М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce, 2018, pp. 13-27.
- Ковтунова И.И.* Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. Отв. ред. Е.В. Красильникова. М., 2006, сс. 7-72.

- Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси (XII – XIV вв.). М., Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Фрейденберг О.М.* Происхождение литературного описания // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce, 2018, pp. 28-76.
- Ford P.* Blackbirds, Cuckoos and Infixed Pronouns: Another Context for Early Irish Nature Poetry // *Celtic Connections*, Tukwell Press, 1999, pp. 162-170.
- Melia D.* A Poetic Klein Bottle // *Celtic Language, Celtic Culture. A Festschrift for Eric P. Hamp. A.T.E. Matonis and D.F. Melia (eds.)*. California, 1990, pp. 187-198.
- Melia D.* On the Form and Function of the 'Old Irish verse' in the *Thesaurus Palaeohibernicus*; How Patrick Ford Opened my Eyes to an Important Aspect of Early Irish Poetry and Some Conclusions that I have Come as a Result. // *Heroic Poets and Poetic Heroes in Celtic Traditions. Studies in Honor of Patrick K. Ford. CSANA Yearbook*, 3-4, Dublin, 2005.
- Murphy G.* (Ed.) *Early Irish Lyrics*. Oxford, 1956 (repr. Dublin, 1998).
- Ó Corráin D.* Early Irish Hermit Poetry? // *Sages, Saints, and Storytellers. Maynooth, an Sagart*, 1989, pp. 251-267
- Ó Néill P.* Irish Observance of the Three Lents and the Date of the St Gall Priscian (MS 904) // *Ériu*, Vol. 51, 2000.
- Scarre A.M.* (ed.) *The Beheading of John the Baptist by Mog Ruith* // *Ériu*, Vol. 4, 1910.
- Stokes W. and Strachan J.* *Thesaurus Palaeohibernicus. A Collection of Old Irish Glosses, Scholia, Prose and Verse*, Vol. II, Cambridge, 1903.

Т.А. Михайлова
МГУ имени М.В. Ломоносова

**О друидах как прорицателях
или «день когда родится великий король»**

Роль друида в древнеирландском обществе, какой представляется она в саговых нарративах, в частности, сводилась к предсказаниям (погоды, исхода войны, судьбы племени или отдельного правителя и так далее) и, на что мы сейчас хотели бы обратить внимание – предсказанию обстоятельств и дня, когда должен будет рожден «великий король». Собственно говоря, как и другие друидические предсказания, данные вербальные акты не всегда представляют собой собственно предсказания. Это скорее – вербализация будущего, но вербализация, основанная на неких «реальных» обстоятельствах, суть которых была доступна и понятна лишь тому, кто владел друидическим знанием, в частности – пониманием зависимости судьбы личности от сочетания звезд. Говоря проще – астрологии. Но – не всегда.

Так, например, в саге «Разрушение дома Да Дерга» говорится, что королю Этерскелу было предсказано, что ему родит сына женщина из неизвестного рода. Причем при этом употреблен пассив глагола - *do-airngir* < **to-air-in-gair*, где *gair*- является опорным словом, обозначающее речевое действие как таковое (часто - крик, призыв). Основа предположительно восходит к и.е. **g'er-*, давшем много рефлексов в и.е. языках и, в частности - кодирующему обозначение «плача по умершему», откуда затем - «плач, оплакивание» (например - готск. *kara* 'жалоба, скорбь' - IEW 352, соотносится, предположительно, и с русск. *горе*, однако данное соотношение поддерживается не всеми, и более распространена теория, что *горе* и *горький* восходят к обозначению *жара* и *горения*).

В саге не говорится, ни кем было предсказано Этерскелу, что он будет иметь сына от неизвестной женщины (как мы можем предположить - его друидами, но сам эпизод данного пред-

речения остается за сценой), ни, что главное, кем это была как бы устроено или назначено. Но интересно, что сам король Этерскел не задумывался об этом и не сомневался в справедливости, истинности предречения: в его задачу входило подыскать себе такую женщину. Причем, как мне кажется, не столько для того, чтобы получить себе сына, столько для того, чтобы реализовать предречение, а точнее - намеченную ему кем-то жизненную программу. Но позволю себе здесь еще одно предположение: в тексте саги «Разрушение Дома Да Дерга» сказано очень кратко:

do-rairngiread dó no bérad bean mac dó nád festa a cenél - ему было предсказано, что ему принесет сына женщина, чем род будет не известен.

Но по закону невысказанной пресуппозиции, стоящей за текстом и опирающейся на известный компилятору и его аудитории корпус текстов и сюжетов в целом, можно предположить, что речь в данном случае идет не просто о каком-то сыне, даже - наследнике, но о сыне, которому суждено потом будет стать верховным королем Ирландии. Повторяю, в тексте саги это эксплицитно не выражено, но об этом может свидетельствовать желание Этерскела найти женщину и его радость, когда она была наконец найдена - все это делает предположение скорее вероятным¹.

Данное предположение было мне отчасти подсказано все тем же сюжетом о короле Кормаке и его сопернике Фиахе из «Осады». Тексте, с которым никак не удастся почему-то расстаться. Но вернемся к началу саги, в котором очень кратко сообщается о рождении Кормака и Фиахи и об особых обстоятельствах, заложивших корни их вражды.

Сага «Осада Друм Дамгайре» начинается так:

Два благородных отпрыска знатного рода жили в Ирландии, и о них повествует эта история. Это были никто друга, как Фиаха Плоскоголовый сын Эогана, подопечный Мог Рута и Кормак

¹ Ральф О Коннор, автор детальной монографии, целиком посвященной разбору саги, на эту деталь не обращает внимания, но полагает, что Этерскел до этого уже неоднократно имел жен, но при этом оставался бездетным. И все.

сын Арта, воспитанник Конна. И кадый потерял отца в битве при Мукрайме. И были они зачаты в один день - во вторник, перед тем, как отправились отцы на битву Мукрайме. И тот и другой были рождены во вторник, спустя семь месяцев после зачатия, и семимесячные они оба.

Здесь, безусловно, происходит апелляция к более раннему тексту - саге «Битва при Мак Мукрама», в которой подробнее описано их рождение и зачатие. Хотя строго говоря, компилятор в данном случае, как и во многих других, вряд ли ясно сознавал, что отсылает к определенному тексту, скорее речь идет о сюжете, который мог быть известен ему самому, но в деталях - мог и не быть. Это вопрос вообще очень сложный - что читал и какие сюжеты мог знать компилятор, а также - последующий переписчик. В саге «Битва при Мак Мукрама» действительно эпизоды зачатия обоих королей даны почти зеркально. Фиаха:

Его отец Эоган (откуда потом и пошли мунстерские Эоганхты) накануне битвы -

отправился к Дилу, потомку Крега из людей Осрайге, что жил в Друм Дил. Был он слепым Друидом.

- Отправляйся со мной, - сказал Эоган, - дабы петь песни поношения этим людям и осмеивать их.

- Хорошо - отвечал друид.

- Я пойду с тобой, любимы отец, - сказала Монха, дочь Дила. Монха была его возницей.

Так добрались они до Мак Клиах. Понял друид по речам Эогана, что тому суждено погибнуть - Скажи, о Эоган, -спросил он, - есть ли у тебя потомство?

- Не так уж оно велико, - отвечал Эоган.

- Тогда, дочь моя, - сказал друид, - возяг с Эоганом, и, быть может королевскую власть над Мунстером навеки получит мое потомство.

Тогда устроили им ложе и славное потомство зачали они на нем - Фиаха Муллетана, сына Эогана.

Кормак:

Между тем отправился Арт, сын Конна, на запад через Синанд с великим воинством ирландцев. В ночь перед битвой остановился он у Олкаха, кузнеца из коннатцев. /.../

- Сколько у тебя телей, о Арт? - спросил кузнец.

- Один сын, - отвечал тот.

- Воистину, это немного, - сказал кузнец, - Ложись сегодня с моей дочерью, ибо предсказано (?!), что народится от меня потомство с великой властью.

Так и было. Велик был Кормах, сын Арта, сына Конна.

Провел Арт ту ночь с девушкой. Тогда-то и зачал он Кормаха. И сказал Арт девушке, что понесет она сына, которому суждено стать королем Ирландии.

В сражении оба погибают от руки Лугайда, несправедливого короля, но при этом молочного брата Эогана. То есть Эоган и Арт не убили друг друга, но их потомки оба могли претендовать на верховную власть. То есть, речь идет не о кровной вражде между Кормахом и Фиахой, а о соперничестве. Но сейчас нас интересует не это. Во фрагменте о рождении (точнее - зачатии) Кормаха говорится о неясных предсказаниях, причем - дважды, но при этом не дается никакой ссылки на источник этих предсказаний. В описании уже не зачатия, но рождения Фиахи, напротив, присутствует интересный эпизод, объясняющий происхождение его прозвища - «Широкое темя»:

А вот отчего звался он Фиаха Муллетан. Охватили Монха, дочь Дила, детородные муки у Ат Неменд, что на реке Сиур.

- Горе, что не разродишься ты завтрашним утром- сказал ее отец, - ибо тогда навеки утвердилось бы в Ирландии твое потомство.

- Воистину если не выйдет дитя у меня из бока, не родится он до того времени, - сказала девушка.

Потом вошла она в реку. И стоял в ней камень посредине брода. Оперлась о него девушка и сказала:

- Он облегчает меня.

Так оставалась она до утреннего часа назавтра.

- Воистину пришло время. - сказал тогда ее отец.

Позвали к ней женщин, но испустила дух девушка, а голова ребенка расплющилась о камень. Оттого и зовется он Фиаха Широкое темя.

Существует более короткий рассказ об этом же эпизоде, вынесенный в отдельную сагу о рождении Фиахи (он сохранился в рук. Желтой книге Лекана). В этом варианте несколько отличаются детали: имя друида Трет, а не Дил, Эоган сам просто ради удовольствия решает возлечь с дочерью друида, причем тот не спрашивает его заранее о потомстве и не сказано, что

друид предвидел гибель Эогана. Однако предречение о счастье-
вом для рождения дне сохранено (точнее - присутствует) почти
полностью:

Зачала Монха от того Эогана тогда и родила сына потом, то есть
через девять месяцев. Фиаха Широкое темя было его имя, потому
что когда пришел срок родов, сказал ей друид:

- Хорошо бы не сегодня, а завтра родила ты. Если сегодня ты ро-
дишь, будет он друидом, но если завтра - великим королем.

- Если только не выйдет он у меня из бока, он родится завтра. -
сказал она.

И он родился с восходом солнца, но темя его расплющилось о
камень, на который она опиралась.²

В своем издании этого текста В.Стоукс дает небольшую
преамбулу, в которой говорит о том, что предположительно в
языческие времена у ирландцев существовало поверье о неких
счастливых днях для рождения короля или героя. Правда, на
этом он не останавливается, но далее рассуждает о том, что те
же язычники не считали зазорным предложить гостю на ночь ни
жену свою, ни сестру, ни дочь, не видя тут никакого бесчестья.
И действительно, о каком бесчестье может идти речь, если в ре-
зультате этой краткой связи родится великий король и, таким
образом, хозяин дома окажется его дедом и воспитателем.

В предречении друида о необходимости задержки родов в
данной версии есть небольшое отличие - «сегодня он будет дру-
идом». Но обращает на себя внимание практически формульное
- «если не выйдет ребенок из моего бока». Такую же формулу
мы находим и в саге «РождениеКонхобара» (в одной из версий).
Друид Катбад, который сам является отцом ребенка, которого
носит Несс, когда приходит ей срок разродиться, говорит:

- О женщина, если это в твоей власти, пусть лишь завтра, а не се-
годня, принетест твое лоно то, что хранит. Будет тогда твой сын
королем Улада или даже всей Ирландии, и слава о нем навеки со-
хранится в наших землях. И запомнится этот день, как запомнит-
ся день появления на свет Иисуса, сына всемогущего Бога.

- Я сделаю так, - сказала Несс. - Один лишь у него путь, и осво-
божу я его тогда, когда будет надо.

² RC, vol. 11, p. 42.

И вышла Несс на луг на берегу реки Конхобар. Села она на камень у самого края. И опять стала она испытывать родовые муки. И сказал тогда Катбад и **предрек** рождение Конхобара...

В своей дипломной работе, посвященной анализу саги «Осада Друм Думгайре» Т.Шингурова, естественно, обращает внимание на сходство этих эпизодов. Однако, как ни странно, не видит здесь бродячего мотива, но считает, что факт искусственного продления перинатального состояния ребенка логичен и объясняется наивными представлениями о физиологии:

«Может за этим распространенным сюжетом кроется вполне естественное объяснение. Недоношенный ребенок обычно слабый и больной, а иногда и умственно не развит. Поэтому нахождение в утробе матери сверх положенного срока могло считаться чрезвычайно полезным. Таким образом, ребенок, роды которого были задержаны, в глазах людей, появлялся на свет лучшим, уникальным и с правом превосходства. То есть, помимо наследственных качеств (так как такие истории рассказывают, в основном, про знатных людей), он получал еще природную силу и ум».

Вряд ли это так, учитывая необычайное сходство эпизодов на формальном уровне (в теме камня, на который выпадает будущий король, она видит намек на знаменитый Lia fail - камень судьбы, который кричал, когда на него наступал будущий король) и даже на вербальном. Скорее, речь идет о бродячем мотиве, но бродячем - на уровне традиции ирландской или - заимствованном откуда то извне?³ Как пишет Т.Шингурова в предыдущем абзаце:

Стоит отметить, что и задержка родов с целью рождения великого короля встречается у разных народов индоевропейской семьи. Например, матери Александра Македонского тоже было

³ Майлз Диллон в книге «Королевский цикл», описывая рождение Фиахи, повторенное также в трактате «Верность имен», дает в ссылке удивительные сведения: «Такая же история была рассказана мне в Балликрои, в графстве Майо, в 1933 году Патриком Мак Мянманом по поводу рождения священника, отца Мануса Мак Свини, память о котором еще жива в этом районе» [Dillon 1946/1994: 20]. К сожалению, остается не известным, кто же именно был тем лицом, которое посоветовало матери будущего священника задержать роды.

предсказано, что если ее ребенок родится позже назначенного срока, то он станет великим монархом.

То есть, как можно понять из ее логики, мотив задержки родов будущего великого короля объясняется, во-первых, физиологией, во-вторых, возникает спонтанно и параллельно у разных народов, в разные эпохи и в разных исторических ситуациях. Но упомянутое ею слово «индоевропейских», видимо, предполагает, что здесь также присутствует некое генетическое тождество возникающих мотивов, истоки которых коренятся в отдаленной и.е. общности. Но на самом деле - это вопрос очень сложный. Теоретически, такой подход возможен и именно так, например, решается многими исследователями оценка происхождения темы «неувядающей славы», которая помогает преодолеть смерть.

Понятие “вечной славы”, которая отчасти может быть названа эквивалентом бессмертия, принадлежит к древнейшему слою индоевропейского поэтического языка. “Мы убеждены, - пишет, например, Э.Бенвенист, - “что понятие славы является одним из самых древних и неизменных в индоевропейском мире - ведийское *śravas*, авестийское *sravah-* служат ему точными соответствиями и имеют в точности то же значение. Более того, поэтический язык сохраняет в греческом и ведийском одно формульное сочетание - гомер. *kléos áphthiton*, вед. *śravas aksitam* ‘неувядающая слава’, обозначает высшую награду воина, ту “невянущую славу”, которой индоевропейский герой желает больше всего, за которую он готов отдать свою жизнь.” [Бенвенист 1995, 278]. “Интересно, что мотив известности, славы является одним из излюбленных мотивов индоевропейской поэтической речи”, - повторяют вслед за ним Вяч.Вс.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе, отмечая при этом, что “Можно предположить, что такую ‘славу’ приобретал человек, особо отличившийся в боевых походах и военном искусстве; это согласуется с представлением о древних индоевропейцах как о воинственных племенах” [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 834]. Стремление добиться все то же “неувядающей славы” предполагает и К.Уоткинс в желании индоевропейского героя “убить дракона” или совершить какой-либо иной подвиг, который восславит его имя, а

следовательно и обессмертит его самого [Watkins 1995, 173-176 et passim].

То есть - авторы склонны объяснять распространенность и мотива, и описывающей его формулы - генетически. Видимо, семиты, тюрки или финно-угры желанию славы были чужды. (о традиции библейской - особый вопрос).

При наличии совпадений, подкрепленных вербальным тождеством, можно, наверное говорить о трех возможных подходах к решению проблемы:

1. случайное совпадение, объясняющееся физиологией (например - сам факт возникновения любовного треугольника)
2. генетические связи
3. бродячие мотивы.

Действительно, в ряде случаев ответить на вопрос, откуда происходит тот или иной мотив, не всегда просто, и тут приходится опираться на так называемую исследовательскую интуицию.

Жизнеописания Алеександра Македонского, обрастающие многочисленными мифическими деталями, появляются уже в позднюю античную эпоху, причем, как пишет М.Грабарь-Пассек, «о походах Александра, может быть, уже при его жизни (напомним: 356 – 323 до н.э. – Т.М.) и немедленно после его смерти стали появляться сочинения, написанные участниками этих походов и лицами, близкими к Александру (Птолемеем, Клитархом, Каллисфеном, Анаксименом и др.)» [Грабарь-Пассек 1966: 173]. Среди наиболее значительных памятников следует назвать его биографию, включенную Плутархом в его *Сравнительные жизнеописания*, а также – труды Квинта Курция Руфа и Арриана. Однако, как принято считать, для дальнейшего развития сюжета наиболее важную роль сыграл анонимный греческий труд *Деяния Александра* (начало III в. н.э.), автор которого присвоил себе имя племянника Александра – Каллисфена, почему анонимный автор получил условное имя «псевдо-Каллисфен». Примерно через сто лет он был переведен на латинский язык Юлием Валерием, который в свою очередь послужил источником для более поздних сочинений. (подробное изложения книги псевдо-Каллисфена – см. в процитированной

книге М.Грабарь-Пассек). Кроме многочисленных фантастических приключений на дне моря и в воздухе, а также – посещения чудесных земель, автор Деяний вводит (возможно – не сам и не впервые) в биографию Александра интересную деталь: его отцом оказывает не Филипп, а египетский жрец и прорицатель Нектанеб, бежавший в Македонию и проникший к матери Александра Олимпиаде под видом змея⁴. Возможно, за этим стояла идея узаконить власть Александра над Египтом, но, хотя бы отчасти, как мы полагаем, здесь могла и просто сыграть роль шаблонная эпическая необходимость обеспечить героя «чудесным рождением». В дальнейших разработках эта тема присутствует далеко не всегда.

Так, Орозий, автор *Семи книг против язычников* (начало V в.), придерживается скорее исторической версии и вообще видит в Александре скорее беспощадного тирана, алчущего свежей крови не только врагов, но и друзей и родных. Возврат к мифологической трактовке Александра мы видим в труде некоего архипресвитера Льва, который в X в. в Неаполе нашел греческий текст псевдо-Каллисфена и затем переложил его в виде сокращенного латинского сочинения, озаглавленного им – *Повесть о сражениях* (*Historia de proeliis*). Именно этот текст принято считать основным источником для позднейших переложений биографии Александра Македонского в Средневековье, уже на национальных языках (отчасти – на латыни).

Первым таким памятником М.Грабарь-Пассек называет небольшую поэму XI в. провансальского поэта Обри Безансонского, которая полностью до нас не дошла. Не умаляя значения, как исторического, так и литературного как этого, так и последующих сочинений⁵ на данную тему, мы можем сказать, что это на

⁴ В дальнейшем Александр, якобы, узнав от Нектанеба тайну своего рождения, сбросил его со стены крепости.

⁵ Так, например, после появления в XII в. французской поэмы об Александре Ламбера ли Тортю, который первым использовал рифмованные двенадцатисложные дистихи, появился термин «александрийский стих». Хотелось бы также отметить исландское переложение предания об Александре – *Сагу об Александре* (об источниках и краткий пересказ текста см. [Матюшина 2002: 164-167]).

самом деле первенство здесь принадлежит не ей: первое средне-вековое переложение биографии Александра Македонского появилось уже в X в. в Ирландии. Мы имеем в виду прозаическую *Повесть об Александре* (Scéla Alaxandair), затем переработанную и дошедшую до нас уже в тексте XIV в. в «Книге из Баллимота» - *Деяния Александра Великого* (Iomtusa Alexandair Móir). Говорить о непосредственном источнике этого текста (точнее – текстов, потому что несомненным представляется факт существования в той же Ирландии еще каких-то обработок этого популярного сюжета) мы не можем. Так, его издатель Э.Петерс полагает, что «ирландский Александр» наиболее близок к обработке псевдо-Каллисфена пресвитером Львом – к тексту *Повесть о сражениях*, тогда как другие исследователи склонны, ввиду сухости текста и отсутствия, например, темы Нектанеба, видеть в *Повести об Александре* скорее разработку орозиевой трактовки, а также – апокрифических посланий Александра к Аристотелю. В рукописи сам компилятор называет источники своего труда:

Adfetaim dia imteachtaib ⁊ dia gnimradaib fond uile domun co cumair o thosach co dered amal ro srib ad lebraib na scel ⁊ a lebraib na antequitatus ⁊ isna cronicib ⁊ episdil Alaxandair [Peters 1967: 102] –
Я повествую о его странствиях и о его подвигах по всему миру от начала и до конца как это описано в книгах о повестях и в книгах об Античности и в хрониках и в послании Александра.

Петерс видит здесь прямые отсылки к Орозию, хронике Евсевия, а также посланию Александра Аристотелю, и мы не оспариваем его мнения. Однако, следует отметить, что после данного фрагмента в Книге из Баллимота помещена глосса, в которой говорится, что «другие же полагают, что Александр был сыном Нектанеба Египетского» (см. [Peters 1967: 170]), что показывает знакомство с данной темой переписчика. Мы уделяем теме апокрифического происхождения Александра Македонского от жреца Нектанеба такое внимание, потому что, как мы полагаем, этот мотив (рождение короля не от отца, а от жреца, вступившего в связь с королевой, а также – искусственное задержание самих родов ради момента, когда появится на свет великий правитель, что предсказывается тем же жрецом) при-

сутствует и в повести о рождении Конхобара. Ср. процитированное нами описание рождения Конхобара

и:

Давно прошли сроки разрешения, а королева все носила свой большой живот и горько выговаривала Нектанебу, который нарочно задерживал роковой час, пока не сбудутся благоприятные небесные знаки. С утра садилась она на высокий родильный стул и даже спала на нем, плача и жалуясь. Наконец Нектанеб с баини крикнул: "Пора!" - и Олимпиада взревела, как телка, не помня себя от боли, не слыша грома, не видя молнии, сверкнувшей из чистого неба.

Второй фрагмент процитирован нами... из *Подвигов Великого Александра* Михаила Кузмина, но это лишь показывает, насколько прочным был этот блуждающий мотив и насколько неточным является определение непосредственного источника для средневековых переработок. Рассказ о рождении Конхобара датируется более ранним периодом (ок. IX в.) и явно отсылает к огромному пласту устного предания, измерить границы которого мы не можем, но значение которого для формирования мотивного инструментария как средневековой литературы, так и более поздней – велико необычайно. Упоминание фараона (!) Нектанеба в некоторой отдаленной и смутной связи с преданиями об Александре встречается и в *Книге захватов Ирландии*, составление которой датируется примерно тем же периодом. Так, во втором разделе второй редакции *Книги* говорится:

Forond Nechtenibus ba rí ind Éigipt ind inbaid sin. Hiss é sin in cóiced rí déc ar fichit íarsin Forand ro báiged i m-Muir Rúaidh: ꝛ ba sí ind aimsir sin doluid Alaxandir Mór mac Pilip isin nAsia, co riacht Éigipt ꝛ dobreth ind Éigipt día réir ꝛ ro díchuir in Éigipt ꝛ do chart a rí Nectenipus a Héighipt ind Eitheóip; ꝛ ro chumtacht prímchathair laiss ind Éigipt .i. Alaxandria a hainm [LGE, II: 38] – *Фараон Нектанеб был царем Египта в то время. Был он двадцать пятым царем после фараона, который утонул в Красном Море. Это было то время, когда Александр Великий, сын Филиппа, пришел в Азию, дошел до Египта и взял над ним власть, опустошил Египет и изгнал Нектанеба из царей Египта в Эфиопию и основал главный город того Египта под названием – Александрия.*

Были ли эти Нектанебы идентичны друг другу? Мы не можем ответить на этот вопрос и, более того, полагаем, что среднеирландскому компилятору он просто и не мог бы быть задан.

Как и в других античных обработках, в которых локальный сюжет обычно вписывался в макро-мифологему, собственно рассказу об Александре ирландский компилятор предпосылает довольно большой фрагмент, посвященный его «предшественникам» - пяти величайшим правителям мира: *Coic primflaithusa ro batar for in domuin* [Peters 1967: 99] – (*Вот*) *пять главных властителей, которые были в этом мире...* Точнее, в тексте говорится не столько о самих «властителях», сколько – о «властях», т.е. народах, прославившихся в истории – ассирийцах, халдеях, семитах, персах и эламитах. Далее говорится о прославлении греков и римлян, причем все возводятся к сыновьям Ноя, что в целом, как мы понимаем, имеет целью – возведение единого исторического древа, в котором имплицитно присутствуют и не упомянутые в самом тексте гойделы (точнее – их предки).

По своему стилю *Повесть об Александре* скорее отличается от традиционного древне- и среднеирландского прозаического нарратива: в ней практически нет описаний, метафор, аллитерирующих эпитетов и синонимов, почти нет изображений одежды и оружия, которые в других античных переработках трогательно выдают повседневный мир ирландского компилятора. *Повесть* – скорее действительно напоминает сухую хронику, оживленную лишь время от времени восторженными оценками. Почему этот текст вообще появился, сказать трудно, причем, напомним, что Ирландия первой откликнулась на не выраженный открыто призыв архипресвитера Льва – создавать повести о деяниях великого Александра Македонского на местных диалектах, наверное – чтобы приблизить его, естественно, не «к народу», а напротив – к местной же аристократии⁶, получающей такой вот чудесный образец для подражания. Конечно, в нашем случае довольно заманчивым будет провести параллель между появлением *Повести об Александре* и началом правления короля Бриана Бору, тем более, что в поздней *Войне гойделов с чужаками* он открыто называется:

⁶ Плохо понимающей латынь.

Rob é an tAlaxandar tailc, talcair tanaiste ar treoir, ocus ar oirbert, ocus ar innsaighibh ar eathaibh, ocus ar coscraibh [CGG: 204] – *Был он Александром мужества, мужественным правителем в битвах и сражениях, и в чести и в достоинстве, и в атаках, и в победах.*

Однако, как полагает Петерс, обилие глагольных форм с инфигированным местоимением не позволяет отнести прототипическую сагу даже к началу правления короля Бриана и говорит о более раннем происхождении ирландской компиляции, так что непосредственное соотнесение фигуры этого могущественного правителя с образом Александра Македонского оказывается скорее натянутым. Наверное, в данном случае вопрос о датировке чисто лингвистической в соотнесении с датировкой исторической лучше оставить открытым. Но, что тут необходимо добавить: в ирландской «Повести об Александре» мотива рождения в определенный день и час - нет.

Компилятор саги о рождении Конхобара, как и фрагмента о рождении Фиахи, не поясняют, почему именно женщина должна задержать рождение ребенка. Однако процитированный эпизод из Жизнеописания Михаила Кузмина ясно дает ответ на этот вопрос: по причинам астрологическим⁷. Почему этот мотив был выпущен компиляторами? И был ли он вообще актуален для древнеирландской традиции?

Говорить о том, что какой-то мотив был при компиляции «выпущен» мы, строго говоря, не можем, поскольку компиляция далеко не всегда была равнозначна некоему цензурированию, согласно которому роль друида в глазах христианского фиксатора предания должна была быть как-то снижена, а его знания и его могущество - уменьшены. Ведь, согласно такой логике, упоминания о друидах вообще могли быть выпущены. И более того, многие ранние сюжеты вообще могли и не быть зафиксированы в текстах. Видимо, так оно и было. Однако обилие, даже - изобилие дошедших до нас в основном среднеирландских или

⁷ В более поздней версии рассказа о рождении Конхобара этот мотив отсутствует, однако говорится, что он родился в один день с Христом и его рождение было предрекли «семь пророков за семь лет до его рождения».

даже более поздних рукописях упоминаний о друидах и совершенных ими предсказаниях, которые, согласно сюжету, обычно сбывались (хотя, казалось бы, должно было быть наоборот: друид предсказывает что-то, но поскольку это всего лишь языческий маг, его предсказание не исполняется), говорит о том, что данная тема для монастырской традиции табуирована не была. Возможно, все эти истории уже утратили установку на достоверность и действительно писались лишь для забавы. Но видимо, это не совсем так. Предположительно, существовала некая общая традиция, некое узорное плетение полотна, в котором традиционным орнаментальным образом сплетались нити как переосмысленной библейской традиции, а также переосмысленной и искаженной - античной, с некими автохтонными сюжетами.

Итак, маг Нектанеб предсказывает рождение Александра Македонского - по звездам. И это вполне логично. То же мы можем сказать и о друидах, опираясь на данные античных авторов. В первую очередь, того же Цезаря, который в 6 книге своих «Записок» пишет, что друиды обучают своих учеников знать расположение звезд, точнее «о светилах и их движении». Причем интересно, что сам-то Цезарь происходил из традиции, в которой предсказаниям уделялась огромная роль, по его личному мнению - даже чересчур большая, однако далеко не всегда эти предсказания были непосредственно связаны именно с астрологией. Поэтому данное, довольно известное, свидетельство Цезаря, строго говоря, еще не является основанием для того, чтобы служить опорой для уверенных заявлений о том, что галльские друиды предсказывали будущее при помощи астрологических навыков.

Более того, в элегии на смерть святого Колума Килле анонимный автор, в частности, называет среди многочисленных знаний святого:

raith rith la gréin ngescaig, sceo rein rith.
Rímfed rind nime,
nech in-choí cech ndiruais
Ro- Colum ó Chille – cúalammar.

*Исчислял движение луны И бег солнца яркого,
А также приливы моря.
Тот мог бы исчислить звезды неба,
кто смог бы назвать все,*

Что от Колума Килле мы слышали

Вряд ли здесь астрономические знания могут быть названы тождественными астрологическим.

У нас нет уверенности в том, как я уже говорила, что институт друидизма в Ирландии был тождествен галльскому, как полагает, например, автор популярной книги о друидизме Томак Кендрик, кельтизация Ирландии проходила в достаточно позднее время, «чтобы весьма правдоподобным выглядело предположение о том, что переселившаяся сюда ветвь кельтского народа была до своего переселения хорошо знакома с организованной жреческой кастой в Галлии» [Кендрик 2007: 280]. Эта фраза кажется лишенной смысла: ведь если переселение кельтов в Ирландию было поздним, то скорее всего друидические институты на континенте уже могли оформиться. Но на самом деле, как мы знаем, кельтизация Ирландии была очень ранней, возможно - уже в середине 2-го тыс. до н.э., если не раньше, и в таком случае слова Кендрика обретают смысл. Но интересно и его следующее замечание или предположение: «кельты в Ирландии, вероятно, попытались насадить в стране, исповедующей древнюю веру, принесенную ими жреческую организацию». Может быть, действительно речь может идти о некоем влиянии, исходящем из Британии, в ходе которого вместе со словом «друид» и были занесены в Ирландию соответствующие жреческие институты. Но об этом можно только гадать.

Возвращаясь к нашим эпизодам рождения королей, уместнее будет провести сравнение с описанием рождения святой Бригиты, воспитателем которой был друид, однако - сознающий ничтожность своих богов и понимающий неизбежность прихода и укрепления новой веры. Этот друид во время рождения девочки увидел во сне трех клириков, которые провозвестили ему, что ее следует назвать Бригитой. Он же, как говорится в ирландском житии святой, которое датируется началом VIII в.,

A mbatar and medon aithchi, boi in drui occ airi na rind co n-accai colomain tentidi asin tig a mbaí in chumal cona hingin sainruith (BB, p. 1, § 3) - Когда они были там в середине ночи, друид рассматривал звезды и он увидел столп пламени из того дома, где была рабыня со своей девочкой, точно

Но что интересно: далее он зовет своего дядю, который был христианином и уже тот, увидев это странное явление говорит: «это святая девочка». И тогда, как можно понять из текста (хотя это не совсем точно) уже друид отвечает: «Это правда, и если бы я мог поведать о всех ее деяниях!».

То есть, необычность родившейся девочки оказывается подтвержденной представителями обеих религий, но если христианин ограничивается очевидной констатацией странного явления как знака святости новорожденной, то друид тут же оказывается готовым к совершению предречений (хотя и не совсем понятно, были они вербализованы им или нет, скорее - последнее). С христианской точки зрения - это не совсем правильно, так как можно констатировать лишь наличие неких способностей и особой божественной благодати, конкретные же деяния святого - в руке Бога, с одной стороны, и в зависимости от его собственной воли, с другой.

Этот эпизод часто приводится в книгах о друидах как иллюстрация того, что ирландские друиды знали астрологию, как и галльские (?). Но текст на самом деле об этом не свидетельствует. Фраза, что друид ночью внимательно рассматривал звезды, еще не объясняет цели этого рассматривания. Но, повторяю, для нас важно как-то постараться понять, что именно для компилятора Жития и его предполагаемой аудитории могло стоять за этими словами. Так, фраза «Раздался выстрел, и Петя упал» еще не сообщает о том, что в Петю попала пуля и нанесла его организму серьезные повреждения, в результате которых он не мог стоять или идти. Но на самом деле, учитывая принцип экономии сообщаемой информации как установки компиляции текста, конечно же - сообщает. Таким образом, видимо, все же можно с известными оговорками считать данный эпизод как косвенное свидетельство если не того, что в Ирландии в V в. были друиды, которые по звездам могли предсказывать судьбу новорожденного, то того, что у позднего компилятора в системе фоновых знаний такая информация присутствовала.

Исследования выполнено в рамках проекта, поддерживаемого РФФИ (№18-012-00131а «Грамматика нереального») и во многом имеет характер предварительный.

Литература

- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с франц. М., 1995.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб., 1984.
- Грабарь-Пассек М. Е.* Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
- Кендрик Т.Д.* Друиды. Пер. а англ. С.Иванова. СПб.: Евразия, 2007 (ориг. 0 1929).
- Матюшина И. Г.* Поэтика рыцарской саги. М., 2002.
- Dillon M.* The Cycle of the Kings. Dublin, Four Courts Press, 1994 (1946).
- O'Connor R.* *The Destruction of Da Derga's Hostel: Kingship and Narrative Artistry in a Mediaeval Irish Saga.* Oxford, Oxford University Press, 2013.
- Peters E.* (ed.) Die irische Alexandersage // ZCP, Bd. 30, 1967.
- Watkins C.* How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics. New York – Oxford: Oxford University Press. 1995.

Е.Р. Сквайрс
МГУ имени М.В.Ломоносова

**Синтаксический эллипсис
в средневековом юридическом контексте**

1. Язык и задачи права. Среди жанрового многообразия средневековой словесности тексты из области права в наибольшей степени подчинены – в силу специфики их тематики и функций – требованию точности и однозначности их формулировки и интерпретации [Лыкова 2005]. Однако конкретный материал средневековых немецких юридических текстов¹ содержит многочисленные примеры, когда правовая информация не имеет однозначного и точного языкового выражения: она как бы скрыта в глубине культурно-правового контекста и формально не эксплицируется вербальными средствами. В этой связи встает вопрос о том, как могли функционировать правовые нормы, выраженные столь «несовершенным» образом. Историки права настаивают на «недопустимости в тексте закона конструкций, позволяющих неоднозначно толковать смысл правовой нормы», отмечая при этом, что «правовой синтаксис – проблема, обозначаемая в некоторых работах, но в общем не исследованная» [Петрова 2006].

В связи с бурным развитием в Германии XIII-XIV в. юридической прозы, в особенности городского права и грамот на родном языке, лингвисты имеют возможность наблюдать появление новых средств грамматической и синтаксической организации текста и различных формальных способов уточнения семантики. Это в полной мере относится к области торгово-дипломатических связей городов Ганзы с русским Новгородом, в которой можно проследить не только развитие юридических аспектов этих связей, но и их отражение в лексике и структурах языка правовых текстов. В качестве материала удобно обратить-

¹ В публикации использован материал источников, собранный в рамках проекта РФФИ 17-01-00158-ОГН.

ся к документу, в котором правовые положения изложены в системе и последовательно и который действовал и эволюционировал на протяжении долгого времени. Таким текстом является устав общины немецких купцов в Новгороде (Новгородская скра), который неоднократно обновлялся и сохранился в редакциях от первой короткой версии (на одном листе) сер. XIII в. до кодексов XIV-XVII в.

В числе важных юридических моментов, связанных с логико-семантическими средствами языка, нас будут интересовать контексты, которые выражают: а) уточнительные пояснения (адъективные и номинативные атрибуты); б) направление действия, описываемого в норме или предписанного юридической санкцией.

В средненижненемецких текстах Ганзы наблюдается в этих частях субстантивный, адъективный и глагольный эллипсис, который мог препятствовать пониманию документов в ту эпоху и может сегодня затрудняет их перевод и изучение.

2. *Эллипсис в именной группе и многозначность юридического обозначения.* Рассмотрев подробнее работу писарей и переводчиков Ганзы, можно убедиться в том, что в именных словосочетаниях правовой сферы часто встречается эллипсис и нарушается принцип однозначности и точности.

2.1. *Субстантивный эллипсис: неоднозначный «святой Петр».* Немецкий купеческий двор в Новгороде выступает в различных юридических функциях как представительство Ганзы и потому упоминается в правовых контекстах при торговых и дипломатических переговорах, в соглашениях с Новгородом, в официальной переписке и в собственных (внутренних) ганзейских документах. В православном Новгороде немцы имели на территории двора собственную церковь св. Петра, и то же название было перенесено на сам двор (*curia sancti Petri*). Вот положение из устава двора, в котором упоминается его церковь: *Neman ne salcopen in sante peteres kerken mit iegeneme ruce he si nogardereoue gast* «Никто не должен торговать в церкви св. Петра с кем-

либо из русских, будь то новгородец или гость» [Скра I, 9]². Аналогичное полное обозначение церкви находим и в четвертой редакции 1361 г.: *so en scolde he sin gûit nicht bringen in **sante peters kerken**, noch in der dudieschen rechte to wesende* «то ему нельзя ни проносить свой товар в церковь св. Петра, ни жить по немецкому праву, пока он не уплатит св. Петру штраф и не получит согласия старосты подворья и объединенного купечества» [Скра IV: 96].

Та же церковь Петрова двора могла обозначаться сокращенно, без указания на святого патрона: *neman late den pu(n)dere eder dat lode buten **der kerken** wanne **de kerke** tosloten is ane orlof* «пусть никто без разрешения не оставляет весы или гири вне церкви, когда церковь заперта» [Скра IV: 17].

Встречаются и противоположные сокращения: эллиптические варианты, состоящие из одного упоминания св. Петра (*sante Peters*) то есть с опущенным субстантивом, причем контекстный анализ показывает, что во всех этих случаях речь идет не о церкви, а о других реалиях, связанных с Петровым двором. Пример из первой Скры, содержащий пункт о денежном и натуральном содержании священника, убеждает, что даже в этом контексте под эллиптическим обозначением *sante Peters* имеется в виду не церковь, а община двора как целое: *dhe solen eren prester selue becostigen in den hof. Vorthmer so sal man eme **van sante peteres gōde** geuen L marc cunen to sines selues cost to haldende* «содержать священника до прибытия на подворье. Далее, должно дать ему 50 марок кун **за счет добра св. Петра**, чтобы он сам себя содержал» [Скра I, 3].

Святой покровитель шкиперов и защитник мореходов от кораблекрушений, Петр был одним из распространенных святых патронов в ганзейских городах, и можно допустить расширительное понимание «св. Петра» в религиозном контексте, как символического обозначения людей, объединенных под его именем и его символом (ключа, ср. геральдический ключ св.

² Примеры из первой, второй и четвертой редакций Новгородской скры (соответственно Скра I, II и IV) цитируются по изданию [Мальков, Сквайрс, 2020 в печати]

Петра на гербе Петрова двора) и занимающихся богоугодной (и вместе с тем доходной) деятельностью под его защитой. Однако материал разнообразных контекстов говорит против такой символической трактовки, наглядно иллюстрируя полисемантическую этого обозначения, отдельные значения которого реализуются в каждом отдельном контексте и всегда относятся именно к Петрову двору в Новгороде. Они лишены символизма, связанного с евангельским святым, зато их реальная, предметная и даже юридическая референция прослеживается вполне четко.

2.1.1. Петров двор как хозяйствующая единица. В уставе содержится много положений, описывающих материальную сторону его жизни, так что в значении эллиптического *sante Peters* нет никаких сомнений, например: *So we so brvwet mit sante peteres holte, dhe geue ene halue marc cvnen. we so dhar mede becket V cunen. So welik man was smeltet mit sante peteres ketele, dhe geue II marc houede* «Если кто варит пиво, используя **дрова св. Петра**, тот плати полмарки кун; кто использует их для выпечки – пять кун. Если кто-либо плавит воск **в котелке св. Петра**, тот плати две марки [кунных] голов» [Скра I, 9a].

Имущество двора включало, помимо инвентаря, принадлежавшую ему живность, и то же самое эллиптическое выражение может выступать с обозначением, например, сторожевых собак, которым посвящено положение, озаглавленное *Van sante Peters hunden* «О собаках св. Петра»: *Weret och sake dat ieman sloghe eder worpe enen hunt de sante peters to be horet* «Случись также кому ударить собаку, которая принадлежит св. Петру» [Скра IV, 53].

Петров двор владеет не только утварью различного назначения и нужными в хозяйстве животными; сама территория с ее постройками, окруженная оградой, является коллективной собственностью городов-учредителей, находящейся в пользовании обитателей новгородской ганзейской общины. И собственность, и правила пользования двором имеют точные юридические и экономические основания, так что требования к четкости интерпретации, понимания и исполнения должны были быть очень высокими.

В следующем примере – *weret dat geman sante peters dinch ergede* «случись кому повредить вещь св. Петра» [Скра I, 18] –

внимания заслуживает также, что указание на двор *sunte peters*, неоднозначное в силу своей эллиптичности, сочетается со словом *dinch*, тоже полисемантическим (оно является одним из средненижненемецких обозначений суда). В столь неоднозначной фразе, однако, оба наименования прочитываются без труда. Это яркий пример того, что правовой язык Ганзы не стремится к уточнению при помощи дополнений или определений; очевидно, правильность толкования этого и других аналогичных положений обеспечивается иными факторами, не зависящими напрямую от однозначности его лексических и синтаксических компонентов. Во второй Скре, например, тот же параграф о вещах двора носит совершенно туманный (на наш современный взгляд) заголовок: *Van **sunte Peters donde***, буквально «О том, что касается св. Петра» [Скра II, 18]. При этом неоднозначная формулировка из первой Скры не подвергается переработке, а сохраняется и в четвертой редакции: *tobreke ieman **sante peters dinch** in deme brûhus de scal dat weder kopen vnde beteren I verdingh* «кто сломает **вещь св. Петра** в пивоварне, тот должен купить новую и уплатить 1 фердинг» [Скра IV, 41].

2.1.2. Петров двор как община и юридическое лицо. Во многих положениях устава речь идет о нарушениях и назначенных за них наказаниях. Последние обычно имеют форму денежных штрафов. Бывают и другие денежные платежи; эти материальные санкции (штрафы, пошлина и др.) носят юридический характер. В правовом смысле обозначен в них и адресат получения этих денег: они идут в общую казну общины двора, которая названа эллиптическим обозначением *sante Peters*, например, в первой Скре: *he is schvldich half schot **sante petere** mit coninges schote heuet he nicht to donde*, буквально: «он должен **св. Петру** полпошлины, с княжеской же пошлиной он дела не имеет» [Скра I, 9]. То же и в четвертой редакции, почти полтора столетия спустя: *de scolde hebben gebroken I marc siluers **to sante peters behûf*** «тот пусть платит 1 марку серебра в пользу св. Петра» [Скра IV, 25].

Правовой смысл выражения *sante peters* в формулировках штрафных санкций еще нагляднее в следующих примерах. Торговать в Новгороде, пользуясь привилегиями Ганзы, могли

только члены общины, в ее уставе это буквально называлось «быть в праве (т.е. правовой сфере) Петрова двора»: *de in sante peters rechte wesen wil* «кто желает жить по праву св. Петра» [Скра IV, 72]. В соответствии с правом общины предписывалось выполнять положения устава *bi des houes reghte* «в соответствии с правом двора» [Скра IV, 82], то есть с соглашениями, привилегиями и решениями, которые распространялись на Петров двор. Напротив, их нарушение каралось лишением права жить в общине и торговать в рамках предоставляемых ею прав, эта санкция формулировалась так же, то есть обозначалась омонимично «разрешающей норме»: *bi des houes reghte* «по праву двора [там же]».

Как юридическое лицо, община имела документы, на основании которых она функционировала, и свою печать. Например, ее ставили на проверенный воск; в уставе при этом указано, *dat dat neman mit sante peters zegele bezegelen sal den sante peters olderlude siluen* «что никто не должен припечатывать печатью св. Петра, кроме самих старост св. Петра» [Скра IV, 99]. Печатью своего двора община также заверяла официальные послания, как например указано в ее письме магистрату Ревеля (1407 г.): *Ges(creven)* (следует дата) *vnder sunte Peters jngesegel* «Писано (следует дата) под печатью [двора] Святого Петра» [LECUB IV, 1730].

В следующем примере представлена ситуация лишения прав торговли, когда за привоз неразрешенного товара купец лишается и права торговать, и самого товара: *dat scolde vorvaren guet wesen vnde horen to sante peters behof, dar to sin gūt nummer in sunte peters hof to bringende eder to comende, hene hebbet an sante peters minnen* «этот привезенный товар должен быть изъят и передан для нужд св. Петра, а сам он [купец] пусть никогда не привозит свой товар и не приезжает в подворье св. Петра, пока не получит согласия св. Петра» [Скра IV, 86]. Конфискация товара производится в пользу общины (*to sante peters behof*).

Еще одна интересная реалья, носившая имя святого – сундук общины, в который после окончания летней или зимней смены запирались ее документы и печать (*in sante peteres kisten* буквально «в сундук св. Петра» [Скра I, 9b]) и отправлялись на остров Готланд; название сундука содержит это обозначение

общины как юридического лица.

2.2. *Глагольный эллипсис*. Полная, эксплицитная формулировка положений, посвященных ограничивающим правилам и запретам, встречается редко, например: *dhe sal ime volgen oue betere ene marc cunen* «тот должен за ним последовать или пусть платит одну марку кун» [Скра I, 2]. Предписанное в норме действие (в данном случае модальная конструкция *sal volgen* «должен следовать») и наказание, установленное за его невыполнение (при помощи повелительного наклонения: *betere* «плати») соединены прозрачной, однозначной связью при помощи союза *oue* «или» (в данном контексте «в противоположном случае»). Другая синтаксическая модель содержит описание проступка в условном придаточном предложении со сказуемым в сослагательном наклонении, ср.: *verslepe oc ieman de steuene wan se gekundeget is, de breke I marc* «Проспит же кто собрание, когда оно объявлено, тот пусть платит 1 марку [штрафа]» [Скра IV, 19].

Однако чаще встречаются варианты с эллипсисом, когда опущен глагол в части формулировки штрафа: *Vortmer welich man siluer weget, de henge dat bret weder up vnde brenge de klyen vnde de doke van denne bi I marc* «Далее, кто взвешивает серебро, тот пусть повесит доску назад и уберет отруби и тряпье, [иначе] 1 марка [штрафа]» [Скра I, 13]. В этом примере аналогичная норма реализована в эллиптическом варианте, буквально сказано только *bi I marc* «за одну марку», но опущены те члены предложения, которые указывают на характер связи между поступком и названной суммой. В результате с формальной точки зрения остается неясным, является ли денежная норма штрафом, угрожающим за неисполнение действий (не убрал доску, отруби и тряпье) или же наградой за их исполнение (плата за уборку). Только общее знание текстов Новгородской скры подсказывает исследователю, что в ней не содержится норм поощрения за соблюдение правил общежития и пользования общим инвентарем (это, очевидно, разумелось само собой), но зато в ней множество предупреждений о штрафах, которые грозили за нарушения. Логика этих правил понятна: штрафы шли в казну общины (см. выше 2.1.2.) и касались экономики Петрова двора, благополучие которой было необходимо для общего блага ганзейского купе-

чества и правомерно было в центре и юридических, и хозяйственных усилий. По этой причине и сами правила, и текст Скры составлены несимметрично, с упором на интересы двора. С точки зрения языковой формы следует признать, что в случае эллипсиса правовое содержание не получает точного выражения. Эллипсис затрагивает два момента важнейшей части формулировки: не только самого опущенного глагола («заплати» или напротив «получи»), но и направления штрафной санкции («плати в таком случае» или «в противоположном случае») – как наказание или поощрение за поступок. Неполнота языковой реализации затемняет связь и взаимную направленность описанных действий (поступка и санкции). Для понимания конкретного правила требуется знание общего правового контекста, в котором действовали ганзейцы.

Но и этот правовой контекст не всегда помогает прояснить направленность описанных действий, ср. два примера: (1) *Vortmer en iuwelich merke sine kisten vnde sine tunnen des sunauendes bi I marc* «Далее, пусть каждый метит свои ящики и бочки в субботу, [иначе] одну марку» [Скра IV, 12]; (2) *Vortmer copper vnde bly dat scal men merken vnde vlient bi de muren bi I marc* «Далее, медь и свинец должно метить и размещать у стен, [иначе] одну 1 марку» [Скра IV, 8]. Здесь действие, описанное в первой части, не содержит отрицательной характеристики; из текста не видно, является ли норма поощрением за правильное действие (хорошо, когда ящики метят по субботам, а медь и свинец хранят вдоль стен, но допустимо и иное), или же только в субботу разрешается метить свои ящики и только у стен размещать медь и свинец, а иное поведение карается штрафом. Лишь привлечение общего бытового контекста жизни двора позволяет додумать недостающее в каждом примере, и наше дополнение в переводе («[иначе]») отражает наш выбор в пользу второй версии толкования.

В этих примерах первая часть содержала предписываемую норму, и штраф назначается за ее нарушение. Противоположную логику несут нормы, в которых первая часть содержит описание проступка, нарушения или содержит запрет, выраженный отрицательной конструкцией – (1) через императив с отрицанием: *Vortmer neman ga mit lichte ane luchten in de kerken bi I marc*

«Далее, никто не ходи в церковь со свечой без фонаря, [иначе штраф в] 1 марку» [Скра IV, 3]; (2) через модальную конструкцию с отрицанием: *Nen mesterman sal laten slapen in der kerken twe knechte bi X marken* «Не должно купцу посылать спать в церкви двух помощников, [иначе штраф в] 10 марок» [Скра IV, 2].

Здесь к трудностям, связанным с неоднозначной направленностью оценки (поощрение или наказание) и ограничения («только так» – «так, но можно и иначе»), добавляется еще одна ось синтаксического варьирования: в первой части действие описано с помощью отрицательной конструкции. Это дополнительно усложняет понимание, поскольку неясна зона отрицания в первой части: совсем нельзя ходить со свечой – или со свечей в фонаре можно? нельзя посылать помощников спать в церковь – или нельзя двоих, а только по одному?

Поскольку контексты с эллипсисом и, как следствие – неоднозначными правовыми формулировками – значительно преобладают в Скре и не устраняются при обновлении ее редакций, выявленная недостаточность и неоднозначность синтаксической организации не может объясняться ошибками писцов или несовершенством синтаксических средств языка. Формальная неэксплицированность в средствах номинации и в синтаксической технике, как выясняется, составляет традиционную и стойкую особенность языка этих правовых текстов.

Еще один, крайний пример поможет убедиться в неслучайности этих черт языка Скры. Дело в том, что обе противоположно направленные конструкции, которые наблюдались выше (формулировка предписанного правила и указание на нарушение) могут даже стоять в тексте рядом в синтаксически однородной позиции, но при этом иметь общую формулу санкции: *Oc vorgeten se de vinstere openen iuwelich vinsten is I marc vnde den bom vor de dore to legghende bi I marc* «Также, если забудут открытыми окна, то за каждое окно 1 марка, а то, чтобы положить брус перед дверью – 1 марка» [Скра IV, 2]. В первой части здесь синтаксически соположены два поступка: оставление открытыми окон церкви и перекрытие ее двери брусом. В данном случае нельзя даже с уверенностью предложить для перевода вставку «[иначе]»: если в отношении окон ясно, что забывший

их закрыть должен быть наказан штрафом по числу таких окон, то с дверью дело обстоит не так просто. Можно понять эту часть как требование не забывать закрыть церковную дверь брусом (засовом?), а можно – что нельзя его оставлять там, где он помешает проходу в церковь. В данном случае нет уверенности, какой вариант правдоподобней, так как общее понимание культурного, правового контекста тут недостаточно, а необходимых технических реалий двора мы не знаем. Однако обитатели Петрова двора несомненно их знали. Эта норма четвертой Скры 1361 г. была, кстати, перенята в текст пятой редакции 1392 г. в той же формулировке [Schlüter 1911: I, 130], что говорит о ее полезности и понятности для обитателей двора. Обратившись к здравому смыслу, рискнем предположить, что это положение предписывает аккуратно закрывать и окна, и дверь церкви. Эти два действия представляются логичными с точки зрения общего бытового смысла. В этом случае языковая форма действительно противоречива сверх обычного даже для данного материала: через запятую и с перспективой штрафа перечисляются два противоположно направленных действия (запереть дверь, но забыть закрыть окна – равноценно).

3. Средства языка и правовая традиция. Говоря о новгородском уставе в аспекте выраженности его правовых положений средствами средненижненемецкого синтаксиса, нужно признать противоречие между важностью и конкретностью юридических норм и тем, насколько недостаточно они эксплицированы языковой формой. Последняя явно не обеспечивает однозначности и точности хранящегося в ней содержания. Эллипсис в юридических формулировках нижненемецких текстов Ганзы, в том числе в редакциях Скры XIII-XIV в., можно встретить: а) в сокращенной реализации атрибутивных сочетаний, нарушающей однозначность; б) в опущении главных членов (глаголов, выражающих действие и/или его направление).

Однако с точки зрения лингвиста между состоянием языка в определенную эпоху и правовыми представлениями людей, их способностью осознавать логические связи, может не быть непосредственной прямой связи «развитие строя языка далеко не непосредственно направляется мышлением» [Адмони 1963: 15]. Скра выполняла свои функции регулирования жизни важ-

нейшего иноземного двора Ганзы на протяжении трех столетий, координируя сотрудничество в непостоянном (полностью сменяющемся) коллективе купцов, которые съезжались в Петров двор из различных немецких городов, представляя собой по сути главный инструмент правовой преемственности, основу юридической идентичности Петрова двора. Очевидно, языковая форма этого юридического документа удовлетворительно выполняла свою задачу, а уточнение и дифференциация, необходимые для практического исполнения его положений, обеспечивались со стороны общего контекста принципов и задач Петрова подворья, со стороны традиции письменного и устного обычного права, наконец – со стороны бытовой реальности подворья.

Литература

- Адмони В.Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963
- Лыкова Н.Н.* Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Екатеринбург, 2005. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/genezis-jazyka-prava-nachalnyj-jetap-na-materiale-francuzskih-i-russkih-dokumentov.html> (28.08.2019).
- Петрова И.Л.* Правовой синтаксис. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Владимир 2006. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoj-sintaksis.html#1628074> (28.08. 2019).
- Сквайрс Е.Р.* Эллипсис, синтаксический синкретизм и конденсация правовой информации в языке Новгородской скры (XIII–XIV в.) (в печати).
- Сквайрс Е.Р., Мальков А.В.* Новгородская скра. Текст, перевод, исследования (в печати [2020]).
- LECUB = Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, nebst Regesten hrsg. G. F. v. Bunge. Bd. 1–6. Reval 1853–72.
- Schlüter W.* Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911.

Е.Ю. Старостина
Институт языкознания РАН

**Маргинальные записи к Грамматике Присциана
(cod. Sang. 904)**

Данная работа во многом носит характер предварительного исследования и будет сфокусирована на анализе положения и функций двух маргинальных стихотворений, содержащихся в рукописи Cod. Sang 904, ныне хранящейся в библиотеке Санкт-Галленского монастыря.

Cod. Sang 904 – рукопись преимущественно на латинском языке, содержащая *Institutiones Grammaticae* Присциана, а также более 9000 глосс, среди них – 3478 древнеирландских [e-codices]. Большинство из них интерлиниарны и носят пояснительный характер, демонстрируя уровень понимания переписчиком текста латинской грамматики. Тем не менее, можно предположить, что часть древнеирландских глосс может нести дополнительную информацию «личностного» характера (см. ниже), отражая восприятие латинского текста носителем иной культуры. Этот аспект, безусловно интересный сам по себе, находится сейчас вне поля нашего анализа.

Мы сфокусируем своё внимание на двух стихотворных памятниках (*Is acher in gaíth in-nocht* 'Резок ветер сегодня ночью' и *Dom-farcaí fidbaide fál* 'Окружает меня изгородь леса'), записанных на верхних и нижних полях рукописи соответственно.

Рукопись написана на севере Ирландии приблизительно в середине IX в., но затем была перевезена ирландскими монахами на континент. Точный её маршрут неизвестен, но в целом подобный путь – характерная часть биографии ирландских рукописей, самые ранние из которых в большинстве своём сохранились не в Ирландии, а именно в континентальных библиотеках. Связано это с тем, что ирландские монахи в массе мигрировали с острова, увозя с собой наиболее ценные рукописи, чтобы спасти их из монастыря, который потенциально мог стать жерт-

вой разграбления со стороны викингов или даже локальных правителей (о миссионерском движении ирландцев и их неоднозначной судьбе см. [Шайтан 1925]).

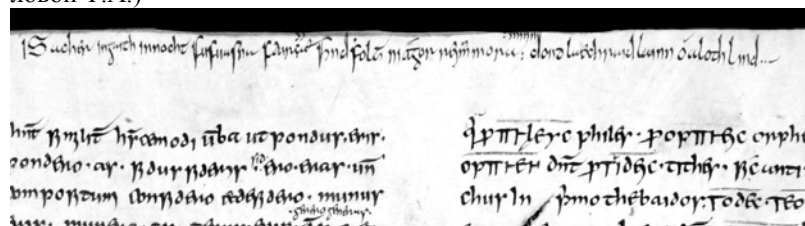
Предположительное место записи – монастырь в Бангоре, основанный ещё в 558 году святым Ковгаллом и известный своим скрипторием и библиотекой [Hughes 1966: 57], однако у исследователей нет точных данных о дате и месте переплетения рукописи. Остаётся также открытым вопрос о том, каким изменениям подвергалась рукопись уже на континенте: была ли она вторично переплетена и не была ли обрезана часть полей (об обновлениях рукописей см. [Rudy 2016]). По этой же причине мы не можем достоверно судить об обстоятельствах нанесения на поля рукописи интересующих нас поэтических текстов. По внешнему виду представляется возможным судить о том, что они созданы разными руками, но более точно функцию текстов и относительное время их создания можно оценить по их расположению.

Приведём полный текст первого из рассматриваемого стихотворений:

Is acher in gaíth in-nocht	<i>Резок ветер сегодня ночью,</i>
Fu-fúasna fairggae findfolt	<i>Он разъяряет море с белыми кудря-</i>
Ní ágor reimm mora minn	<i>ми:</i>

	<i>Мне не страшен бег моря звонкого</i>
Dond láechraid lain ua Lothlind	<i>Для воинства дикого из Лотлинна¹</i>

(Текст приводится по изданию [Thurneysen 1949: 39], перевод Михайловой Т.А.)

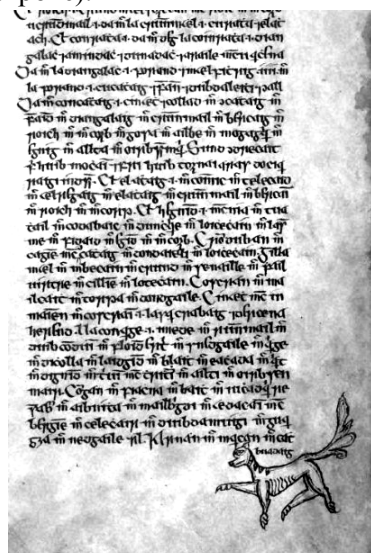

Содержание текста позволяет предположить, что текст был составлен непосредственно в скриптории в Бангоре: это под-

¹ Топоним намеренно передан в транслитерации. В более поздней традиции он установился в форме *Lochlann*, но точная географическая привязка остаётся предметом дискуссии, см. об этом [Михайлова 2012]

тверждается и лингвистической датировкой текста, и тем обстоятельством, что монастырь действительно расположен на берегу моря, и появление викингов действительно было одним из главных страхов потенциального писца.

Личная форма *Ní ágor reimm* ‘я не боюсь’ (букв. «нет страха на мне») характерна для текста заговорной семантики, а положение текста в самом верху листа может свидетельствовать о том, что он исполнял функцию талисмана, защищающего от названной внутри текста опасности. Добавим визуальное выделение аллитерирующих F во втором стихе поэтического текста: по форме эти буквы напоминают частокол, а размером они значительно превосходят соседние (на странице рукописи ниже, в латинском тексте, размер F подогнан под остальные буквы в строке).

Аналогичную функцию, как считалось, исполняли многочисленные рисунки собак на полях рукописей. Так, в «Книге Баллимота» в тексте юридического трактата появляется следующее изображение, никаким образом не связанное с его содержанием. Широко распространено мнение, что помимо защиты текста, данное изображение имело прагматику защиты также и переписчика.

Тем не менее, если мы внимательнее присмотримся к листу, мы увидим фрагменты графических знаков над строкой

с поэтическим текстом. Возможно, до нас дошёл только его фрагмент, а первая часть была обрезана при обновлении рукописи и теперь утрачена навсегда. Невозможно также достоверно определить, является ли переписчик автором стихотворения, или оно было записано им по памяти. Мы не знаем, отсылает ли текст на конкретный прецедент или является обобщением (см. об этом тезисы Т.А. Михайловой в настоящем сборнике).

Ещё интереснее ситуация со вторым стихотворением.

Dom-farcaí fidbaide fál

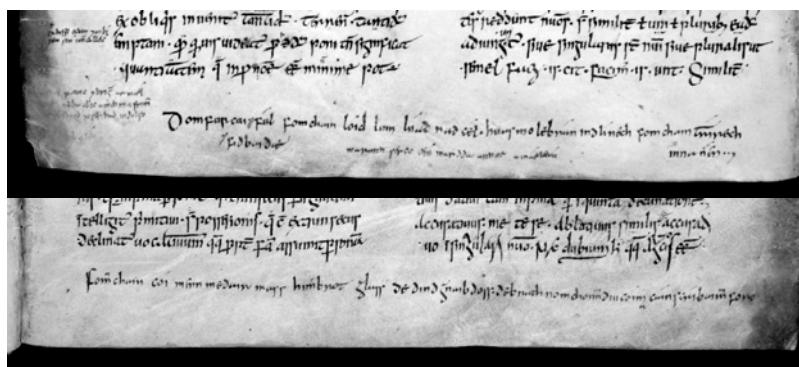
fom-chain loíd luin, lúad nád céi;
húas mo lebrán, ind línech,
fom-chain trírech inna n-én.

Fomm-chain coí menn, medair mass,
hi mbrot glass de dingnaib doss.
Debrath! nom Choimmdiu coíma:
caín-scríbaimm fo roída ross.

*Окружает меня изгородь леса
Поёт мне песни дрозд, рассказ без знамения,
Над моей книжечкой линованной
Поют мне песни птицы.*

*Поёт мне кукушка ясно, песнь искусная,
в плаще сером из верхушки куста.
Справедливый Боже! Добр Он ко мне:
Хорошо пишу я под лесной сенью.*

([Murphy 1956: 4]; перевод на русский мой — E.C.)

Оно расположено на фолио 203 и 204, представляя собой восемь стихов, распределённых по четыре стиха (или одной строфе) на лист, притом в левом фолио писец сначала пропустил (и затем вставил) слово fidbaide, а кроме того был вынужден из-за нехватки места фрагмент четвёртого стиха записать на

второй строке справа. Под стихотворением, как видно на иллюстрации, есть ещё один текстовый фрагмент, записанный недостаточно разборчиво, что бы его можно было прочесть. Примечательно, что стихотворение растянуто на два *соседних* фоллио, что явно свидетельствует о том, что текст был вписан в рукопись уже после её переплетения.

Ирландский исследователь Д. О'Коррань высказал своё скептическое отношение к буквальной трактовке данного памятника и предположил, что приведённый текст — плод монастырского творчества, а никак не отшельнического, как это предполагалось его предшественниками [Ó Corráin 1989: 257]. Он также отмечает, что стихотворение написано не экспромтом, а после долгой работы над совершенствованием формы. Тому же посвящена и статья Д. Мелиа [Melia 1990], который отмечает высокую художественную ценность текста, правильность его формы и, самое главное, изящество оформления содержания.

Удивление исследователей вызывает необычное обилие в тексте употреблений первого лица: О'Коррань отмечает, что указаний на лирический субъект нет только в одном из восьми стихов текста, что он (лирический субъект) помещён в центр внимания и наслаждается окружающей средой в практически «сибаритском» ключе [Ó Corráin 1989: 257]. В качестве дополнения к этому утверждению стоит отметить ещё одно обстоятельство: Мелиа пишет, что глагольные приставки с инфигированными в них местоимениями первого лица и в самом деле как будто «окружают» лирического субъекта: в первом четверостишии чередуются направления «сверху» (do) и «снизу» (fo), помещая объект наблюдения в центр внимания по вертикальной оси; во втором появляются предлоги i 'в' и de 'из', которые, возможно, служат выделению лирического субъекта в горизонтальной плоскости [Melia 1990: 191].

Мелиа тщательно анализирует образный ряд стихотворения и приходит к выводу, что пение птиц, как и в целом природные образы в тексте, — метафора божественной благодати, которая, таким образом, в прямом и переносном смысле окружает писца.

Следует сказать, что до сих пор текст рассматривался большинством исследователей как чисто дескриптивный, хотя и не всегда однозначно признавалось, создан ли он одновременно

с описываемыми событиями или в некотором хронологическом отдалении от них. Однако П. Форд предложил несколько иную трактовку памятника: обратив внимание на то, что текст находится в рукописи с латинской грамматикой, более того – на листах, посвящённых местоимению в латинском языке, Форд предполагает, что он служил своего рода иллюстративным примером использования категории первого лица в применении к древнеирландскому языку [Ford 1999: 165-168].

Хотя интерпретация Форда кажется нам чересчур смелой, но интересно, что он первым обращает внимание на его расположение в манускрипте: прагматика текста интересует его меньше, чем контекст. Возникает вопрос, где и когда была оставлена данная запись. Вот одна из возможностей: стихотворение могло быть записано писцом в Бангоре, а возможные причины и обстоятельства его записи были изложены в приведённых выше публикациях.

Однако существует и вторая возможность: поэтический памятник был вписан в рукопись уже после того, как она очутилась на континенте, при работе с ней. Расположение в середине полей, с большим отступом от края листа, чем у первого из рассматриваемых стихотворений, может свидетельствовать о том, что рукопись уже приведена в её окончательный вид, и в дальнейшем поля не подвергались изменениям.

Если отталкиваться от содержания стихотворения, можно предположить, что пение дрозда пробудило в неизвестном писце память о данном поэтическом тексте, что и привело к решению записать его для последующих поколений. Интересно, в таком случае, что стихотворение написано по-древнеирландски, хотя рукопись уже была удалена из соответствующей языковой среды. Примем во внимание, что положение ирландского монаха на континенте на данном историческом этапе, как об этом пишет Шайтан, было крайне неустойчивым, и потому обращение к родному языку могло быть способом носителя культуры мысленно перенестись в более благополучный для него период.

Литература:

e-codices – www.e-codices.unifr.ch/en/list/one/csg/0904

Михайлова Т.А. Ирландия от викингов до норманнов: язык, культура история. М.: ЯСК. 2012.

Шайтан М. Ирландские эмигранты в средние века // Средневековой быт - Ленинград, 1925 – с. 179-206

Ford P. K. Blackbirds, Cuckoos, and Infixed Pronouns: Another Context for Early Irish Nature Poetry, In: Black, Ronald, William Gillies, and Roibeard Ó Maolalaigh (eds.), Celtic connections: proceedings of the Tenth International Congress of Celtic Studies, vol. 1, East Linton: Tuckwell Press, 1999, 162-170.

Hughes K. The church in Early Irish society. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1966.

Melia D.F. A Poetic Klein Bottle, In: Celtic language, Celtic culture: a festschrift for Eric P. Hamp. Van Nuys, California: Ford & Bailie, 1990, 188-198.

Murphy G. (ed.) Early Irish Lyrics. Eighth to twelfth century, edited with translation, notes and glossary by Gerard Murphy. Oxford: Clarendon Press.

Ó Corráin D. Early Irish Hermit poetry? In: Sages, Saints and Storytellers: Celtic Studies in Honour of Professor James Carney, ed. D. Ó Corráin, L. Breatnach, K. McCone. Maynooth: An Sagart, 1989, 251-267.

Rudy K. M. Piety in Pieces: How Medieval Readers Customized their Manuscripts. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2016.

Thurneysen R. Old Irish Reader. Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies, 1949.

Е.М. Чекалина
МГУ имени М.В. Ломоносова

Неопределенное лицо в шведском языке: *man*, *en*, *hen*

Одним из основных способов выражения неопределенного лица в шведском языке является местоимение *man*, которое имеет широкое употребление и не предполагает обязательного указания на включение субъекта речи в неопределенное множество референтов грамматического субъекта высказывания, но и не исключает этого, что в большинстве случаев определяется вербальным и/или ситуативным контекстом.

Соотнесенность с неопределенным множеством неопределенных референтов, за исключением говорящего, наглядно иллюстрирует отрывок из интервью с королем Швеции Карлом Густавом XVI, опубликованного в шведском журнале в год его пятидесятилетия (перевод мой - Е.Ч.):

- (1) Stefan Mehr: *Hur var det att växa upp som ensam pojke bland alla dessa kvinnor?* 'Каково было расти единственному мальчику среди всех этих женщин?'
- (2) Carl Gustaf: *Det gick faktiskt förvånansvärt bra. Mina många systrar tog väl hand om mig. Men det ledde till att jag fick umgås med mängder av damer... MAN tyckte det blev lite för mycket.* 'На самом деле было на удивление хорошо. Несколько моих сестер заботились обо мне. Но это привело к тому, что мне пришлось общаться с множеством дам... (НЕКОТОРЫЕ) сочли, что их стало многовато.'
- (3) Stefan Mehr: *Tyckte kungen det?* 'И Вы так считали, Ваше Величество?'
- (4) Carl Gustaf: *Jag tyckte inte det, men "MAN" tyckte det.* 'Я так не считал, но "НЕКОТОРЫЕ" так считали.'
- (5) Stefan Mehr: *Vem var "MAN"?* 'Кто были эти "НЕКОТОРЫЕ"?''
- (6) Carl Gustaf: *Det vet jag faktiskt inte själv. "MAN" tyckte att jag borde vidga mina vyer – och så hamnade jag på internatskola.* 'Я

сам этого не знаю. ”**НЕКОТОРЫЕ**” считали, что мне следовало бы расширить свой кругозор – и поэтому я попал в школу-интернат’ [Månadsjournalen 1996: 7].

Контекстуальным указанием на включенность субъекта речи в неопределенное множество референтов грамматического субъекта является употребление супплетивных форм генитива *ens* и объектного падежа *en*, образованных от числительного *odin* в функции неопределенно-личного местоимения *некто*:

- (7) *Men hur duktig **man** än är på engelska kan **ens** språkförmåga aldrig mäta sig med en infödd engelsmans* [Hultman 2008: 121].
‘Но как бы хорошо мы ни знали английский, наше владение им никогда не может сравниться с тем, как владеет им англичанин’;
- (8) ***Man** planerar och planerar och planerar, och under tiden går livet ifrån **en**.* ‘**Мы** планируем, планируем и планируем, а жизнь тем временем ускользает от **нас**’ [Lindström 2011: 109].

Напротив, в тех случаях, когда субъект речи не входит в обозначаемое местоимением *man* неопределенное множество референтов, для выражения притяжательности и объектной формы употребляются возвратные местоимения *sin* и *sig*:

- (9) *På det sättet ville **man** markera **sin** särart* [SAG 1999 2: 295].
‘Таким образом хотелось отметить свою особенность’;
- (10) *I det här fallet var det så uppenbart vad som skett att **man** aktiverade **sig** omedelbart* [Hultman 2008: 121]. ‘В данном случае было настолько очевидно, что произошло, что активные меры были предприняты незамедлительно’.

В неформальной речи возможно семантическое согласование выраженной адъективными частями речи предикатива в форме множественного числа:

- (11) ***Man var tvungna att anpassa sig efter omständigheterna.***² ‘Пришлось приспосабливаться к обстоятельствам’;
- (12) ***Man var tvungna att göra stora förändringar.*** ‘Пришлось сделать большие изменения’; ***Man var eniga om att något borde göras*** [Thorell 1973: 77]. ‘Существовало единое мнение, что следовало бы что-то сделать’.

² Здесь и далее при отсутствии указания на источник приводятся примеры из корпуса современного шведского языка, составляемого на отделении компьютерной лингвистики Гётеборгского университета www.spraakbanken.gu.se

Вместе с тем неопределенно-личное местоимение *man* может употребляться и при соотнесенности с первым лицом говорящего вместо *jag* для снятия «эгоцентричности» высказывания:

- (13) *Det är eländigt, så tarvlig MAN är. MAN? Ja okej, jag då. Men om MAN säger MAN kommer det inte så nära och MAN tycker att MAN gott kan utgå ifrån att alla är likadana, mer eller mindre tarvliga* [Antti 1996: 187]. 'Это ужасно, какие МЫ низкие. МЫ? Ну да, окей, тогда я. Но если говоришь МЫ, это звучит не так прямо, и думаешь, что вполне можно исходить из того, что все одинаковые, более или менее низкие'³.

В то же время имеются контексты, в которых местоимение *man* проявляет семантическую неопределенность и соотносится одновременно и только с субъектом речи, и с включающим его в свой состав неопределенным множеством референтов грамматического субъекта:

- (14) *Man är ju inte mer än människa!* 'Я ведь всего-навсего простой смертный! / Мы ведь всего-навсего простые смертные!'

В обиходной, часто регионально окрашенной речи при устранении первого лица в шведском языке давно используется также неопределенно-личное местоимение *en*:

- (15) *En blir gamlare och gamlare, sa hon* [Hultman 2008:101]. 'А сама становишься все старше, сказала она'⁴.

В последнее время оно стало более употребительным в функции грамматического субъекта неопределенно-личных предложений, «встроившись» в парадигму *man* и заняв в ней место падежной формы не только объекта, но и субъекта. Эта тенденция обусловлена идеологическими установками борьбы за гендерное равноправие в языке, требующей отказаться от использования генетически связанного с существительным *en man* 'мужчина, муж' неопределенного местоимения *man* при соотнесенности с лицами обоих полов. Примеры такого рода нетрудно обнаружить в корпусе современного шведского языка, составля-

³ Для передачи смысла, в котором употребляется здесь неопределенно-личное местоимение *man*, при переводе на русский язык представляется возможным использовать местоимение *мы*.

⁴ При переводе этого примера для передачи семантической функции *en* используется местоимение *сама*.

емого на отделении компьютерной лингвистики Гётеборгского университета:

- (16) *En ser det en vill se, som det brukar heta.* ‘Видишь то, что хочешь увидеть, как обычно говорится’; *Idag påminnes jag om att en måste registrera sig på kursen en läser* ‘Сегодня мне напомнили, что необходимо зарегистрироваться на курс, который изучаешь’;
- (17) *En kan inte ta ansvar för vad andra gör med sina liv.* ‘Невозможно отвечать за то, что другие делают со своей жизнью’ [www.spraakbanken.gu.se].

Как показывают приведенные примеры, такое употребление возможно, однако, только если субъект речи включает себя в неопределенное множество референтов. Поэтому в борьбе за гендерное равноправие в языке шведское общество пошло еще дальше, обратившись к поискам нового личного местоимения семантического общего рода. Еще во второй половине прошлого века возникла идея использовать для этого неологизм *hen*, который одновременно похож консонантным составом на личные местоимения *han* ‘он’ и *hon* ‘она’, маркируя тем самым третье лицо единственного числа, и в то же время отличается от них обоим корневым гласным. Определенную роль могло сыграть при этом контактное влияние финского языка, в котором отсутствует родовая дифференциация и имеется поэтому только одно местоимение 3-го лица *hän*. С конца прошлого века в интернете и на страницах прессы развернулась оживленная дискуссия о возможности включения нового местоимения в систему шведского языка. Одновременно с этим его стали активно использовать наиболее активные сторонники гендерного равноправия, а также представители ЛГБТ-сообщества. В 2012 году в Швеции вышла небольшая детская книжка под названием «Киви и собака чудовище». При упоминании главного персонажа, чем-то напоминающего нашего Чебурашку, в ней использовалось не только само местоимение *hen*, но и его формы – притяжательная *hens* и объектная *henom*, сконструированные, однако, по модели личного местоимения мужского рода *han* – *hans* – *honom* [Lundqvist, Johansson, 2012]. Несмотря на оживленную дискуссию среди шведских лингвистов, в которой приняли участие и сторонники, и противники нового местоимения, а также достаточно осторожные рекомендации Совета по шведскому языку,

hen было включено в последнее по времени 14 издание Словника Шведской Академии с формами генитива *hens* и объектного падежа *hen* [Савицкая, 2015].

В словарной статье даются два варианта его употребления:

1. Нейтральное обозначение лица без указания на гендерную принадлежность: *Läraren kan fritt välja vilken metod hen vill* ‘Учитель может свободно выбирать методику, которую хочет использовать’; *Om någon kör mot rött ljus, så blir hen bötfälld* ‘Если кто-нибудь поедет на красный свет, то будет оштрафован’.
2. Обозначение лица, которое не хочет или не может относить себя ни к категории мужчин, ни к категории женщин [SAOL, 2015: 469]. В корпусе современного шведского языка для нового местоимения зафиксировано 12380 словоупотреблений, включая формы *hens* и *henom*. В ряде контекстов содержится прямое указание на неопределенность пола, например:

(18) *Eftersom alla i hens nya klass uppfattar henom som kille medan mamman och mammans pojkvän uppfattar henom som tjej har hen svårt att hantera krockarna mellan skolan och hemmet* ‘Поскольку в его/её новом классе его/её воспринимают как парня, в то время как мама и мамин друг воспринимаю его/её как девушку, ему/ей трудно выдерживать столкновение между школой и домом’.

В то же время в некоторых контекстах новое местоимение используется для замещения антропонима, пол которого неизвестен. Такое употребление встречается, например, при замещении одушевленного существительного среднего рода *ett barn* ‘ребенок’: *Mitt barn är bara nöjd när jag bär henom* ‘Мой ребенок доволен, только когда я беру его/её на руки’. В таком случае *hen* действительно приобретает функцию местоимения семантического общего рода. Показательно, что в этом примере наблюдается также семантическое согласование предикатива по общему, а не среднему роду, как того требует грамматика. Таким образом, игра слов и смыслов может происходить не только в индивидуальной речи, но и в языковой системе.

Литература

- Савицкая А.В.* Новое местоимение в шведском языке: история и перспективы // Скандинавская филология. Вып. 13. Санкт-Петербург, 2015. С. 188-199.
- Antti G.* Bara lite roligt. Stockholm, 1995.
- Hultman T.G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2008.
- Lindström F.* Ny stil till hösten // Вдоль и поперек. Шведская проза. Санкт-Петербург, 2011. С. 108-111.
- Lundqvist J., Johansson B.* Kivi & monsterhund. Linköping, 2012.
- Månadsjournalen*, n. 5. Stockholm, 1996.
- Svenska Akademiens ordlista över svenska språket (SAOL).* Utgiven av Svenska Akademien. Fjortonde upplaga, första tryckningen. Stockholm, 2015.
- Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm, 1999.
- Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm, 1973.

Т. Л. Шенявская
МГУ имени М. В. Ломоносова

**«А был ли мальчик?»:
об одной функции сослагательного наклонения в сагах**

Употребление сослагательного наклонения в древнеисландском языке тесно связано с модальностью. При этом семантика одной и той же формы часто зависит от типа предложения. Так, в придаточной части сложного дубитативного предложения возможны обе временные формы сослагательного наклонения, но в простом предложении сомнение выражает только презенс, в то время как претерит обозначает предполагаемое или возможное действие [Стеблин-Каменский 1955; Nygaard 1966]. Таким образом, значение сомнения у презенса сослагательного наклонения можно считать самостоятельным, хотя и зависящим от контекста, а у претерита связанным, так как в общем случае оно реализуется только при наличии в главной части дубитативного предиката. Однако в том случае, когда сослагательное наклонение включается в систему средств выражения важных для саги противопоставлений, в семантике его форм возможен определенный сдвиг. Показателен в этом отношении следующий пример из «Саги о Сверрире»:

Þat sumar, er Eiríkr jarl hafði andazt, var flokkur á mörkum austr, en fyrir þessum flokki var sá maðr, er kallaðr var Þorleifr breiðskeggr ok væri son Eysteins konungs Haraldssonar (Sv CXVI) «В то лето, когда скончался ярл Эйрик, на востоке в лесах действовала шайка. Главарём этой шайки был человек, которого они звали Торлейв Широкая Борода и считали сыном конунга Эйстейна сына Харальда» (зд. и далее перевод цитируется по изданию [Сага о Сверрире 1988]).

С одной стороны, претерит сослагательного наклонения во втором из двух однородных придаточных маркирует несобственно-прямую речь. Однако – в отличие от косвенной речи – сослагательное наклонение в подобных случаях не является обязательным и, как правило, имеет дополнительную мотивировку. Для

трактовки приведенного примера важно, что «Сага о Сверрире» рассказывает о драматичных событиях в Норвегии периода «гражданских войн» последней трети XII – самого начала XIII века, времени борьбы за престол многочисленных претендентов. Ключевой фигурой этой эпохи является Сверрир – будущий король Норвегии, захвативший престол в отчаянной борьбе и утвердивший на нем новую династию. Все в саге посвящено истории жизни, борьбы за власть и правления этого выдающегося короля-самозванца, и, описывая события совсем недавнего прошлого, автор ведет рассказ преимущественно со стороны Сверрира и его окружения, что, в свою очередь, неминуемо ведёт к функциональным (а иногда и к структурным) изменениям отдельных элементов повествовательной техники.

Обычно глагол *kalla* «называть» вводит прозвище, которое, в отличие от имени, относится к расширяющим формулу именования дополнительным сведениям, идентифицирующим персонажа. Однако данная сага неоднократно обыгрывает ситуацию самозванчества, представляя её как противопоставление **истинного** и **названного** имени, которое, в свою очередь, находит воплощение в противопоставлении глаголов *heita* и *kalla*, отражающих две стороны именования. Первый обозначает обладание (истинным) именем, второй – называние, отсылая тем самым к традиции или к общественному мнению. Для ситуации самозванчества важно, что не просто кто-то называет себя именем, дающим право на престол, но что его право на это имя признаётся определённой частью общества.

То же относится и к родству, поскольку право быть конунгом даёт подобающее происхождение, и существенно в связи с этим, какая именно родословная признаётся истинной. В этой связи обращает на себя внимание употребление глагола *kalla* в формуле имянаречения Сверрира: *Gunnhildr gat skjótliga son þann, er nefndr var Sverrir ok var kallaðr son Unass* (Sv I) «Гуннхильд вскоре родила сына, которого нарекли Сверриром и называли сыном Унаса», где соединение этого глагола с патронимом служит указанием (или напоминанием сведущему читателю), что история новорождённого не так проста. Кто его мать – известно доподлинно, а вот в отношении отцовства сага сомневается.

Таким образом, общий контекст саги дает возможность рассматривать выбор глагола *kalla* в формуле именования Торлейва Широкая Борода как сигнал того, что автор оставляет правдивость сведений на совести его соратников, подвергая при этом сомнению не только его принадлежность к королевскому роду, но и само имя. Сомнение в происхождении, однако, более существенно, поэтому оно дополнительно подчёркивается формой сослагательного наклонения глагола *vera* «быть».

Литература

- Сага о Сверрире / Изд. подгот. М. И. Стеблин-Каменский, А. Я. Гуревич, Е. А. Гуревич, О. А. Смирницкая. М., 1988.
Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М., 1955.
Nygaard M. *Norrøn syntaks.* Oslo, 1966.

Научное издание

МЕЖДУ СТРОК...

или Грамматика нереального – 3

Материалы круглого стола

20 декабря 2019

Оригинал-макет подготовлен на кафедре германской и кельтской филологии
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

текст доступен на электронном ресурсе e-library

Тезисы публикуются в авторской редакции
В оформлении обложки использован лист рукописи
«Книга Бурой коровы» (Ирландия. ок. 1000)
Обложка – *Вадим Руднев*